

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 96, сентябрь 2022

ПАССИВНЫЙ ЕВРОПЕИЗМ И ИТАЛЬЯНСКОЕ НАРУШЕНИЕ РАВНОВЕСИЯ

Означает ли отставка Марио Драги провал этого правительственного опыта? Столь критические обстоятельства требуют применения наших инструментов для анализа итальянского политического цикла, или, точнее, итальянской составляющей европейского политического цикла.

Имеются в виду критерии метода и научного синтеза, проверенные более чем полувековым изучением итальянского нарушения равновесия, которые позволили постепенно очертить и обновить рамки для действий партии. Кризис нарушения равновесия как острое проявление недостаточности государственных и политических инструментов по отношению к потребностям крупного капитала. *Несоответствие* между экономическим базисом и политической надстройкой. Вес *морального фактора*, то есть итальянского национального характера. Роль *социальных психологий*, находящихся на перекрестке между историческим наследием *морального фактора* и ощущением классов в рамках текущей классовой стратификации. Европейское *внешнее принуждение*. *Плюрализм европейских надстроек*, то есть многоуровневые политические власти Евросоюза; *уступка суверенитета*, в рамках которой национальные прерогативы и полномочия уступают европейским властям; *европейский политический цикл*, разворачивающийся в динамике между федеральной, конфедеральной, национальной и местной властями. *Пассивный европеизм*, то есть склонность Италии к тому, чтобы оставаться на буксире европейского цикла, хотя и с отклонениями, задержками и колебаниями; *активный европеизм*, то есть краткие проблески в итальянской истории, во время которых Рим получал возможность выступить в роли двигателя европейского процесса. *Европейская партия*, включающая те круги в институтах, крупных группах, а также некоторых издательствах, которые оказались стержнем европеистской стратегической линии; *партия Евроватикана* как сочленение европейской партии в лице лидеров католической церкви. *Политический цикл государственного капитализма и цикл империалистического либеризма*; *европейская реструктуризация*, то есть политика, направленная на устранение структурных узлов итальянского нарушения равновесия; *средиземноморская реструктуризация*, то есть ограниченная концентрация капитала и усиление зависимости от государственного долга, с помощью которых развязывались эти узлы. *Массовое приспособленчество* в смысле перехода десятков миллионов избирателей в новые политические формации после краха старых структур; *большая коалиция статус-кво*, то есть объективная основа этого приспособленчества, как попытка увековечить

в новых политических формациях старый корпоративно-государственный патернализм. Ребус формирования *массовой базы* для генеральной европеистской линии. *Новый политический цикл*, отмеченный электоральными восстаниями мелкой буржуазии и промежуточных слоёв на *нисходящей фазе социал-демократизации*; *внешние коллизии*, отмеченные относительным упадком атлантических держав перед лицом восходящей Азии и демографическим кризисом с его миграционными последствиями и их влиянием на социальную психологию. *Европеизм сверху* как единственный способ, с помощью которого генеральная европейская линия могла бы пробить себе дорогу среди противоречий итальянского нарушения равновесия.

В конце 1960-х годов мы думали, что империалистическое взросление Италии, когда 30 лет ускоренного развития "экономического чуда" подошли к концу, изменило пропорции между буржуазными фракциями и вызвало кризис нарушения равновесия или *несоответствия*. Отношения с европейским рынком, от которого итальянский империализм теперь был неотделим, требовали *«индустриального государства»*, соответствующего потребностям крупного капитала.

Имелось одно противоречие. Реформистская и европеистская линия не могла быть реализована партиями парламентаризма, которые из-за своей межклассовости и связи с отсталой государственной бюрократией были частью проблемы, а не её решением. В течение короткого времени существовала возможность, что этот *тупик* может быть преодолен в связке между реформистской линией крупного капитала и тред-юнионистским профсоюзом, которая позволит обойти межклассовый компромисс, сконцентрированный в основном в рамках ХДП и ИКП. Предметом тактической гипотезы для революционной партии были *«перспективы тред-юнионизма»*: в *«ускорившемся времени»* «экономического 1905 года» наступательная борьба за заработную плату могла стать достаточно широкой и глубокой, чтобы освободить профсоюзы от межклассовых обязательств. В этих условиях ленинская партия могла бы найти пространство для укоренения в крупных фабричных центрах.

Довольно быстро провалив эту перспективу, итальянский политический цикл начал разворачиваться в *«замедленном»* [по отношению к Европе] *времени»* межклассового компромисса. Затягивание нарушения равновесия также дало возможность уточнить наш анализ итальянской политики: если *кризис нарушения равновесия* произошёл в определённый момент империалистического развития, став отражением тридцатилетия ускоренных

темпов, то *несоответствие* было долгосрочной чертой итальянской метрополии, наследием средиземноморского *морального фактора* с многовековыми корнями. Как бы то ни было, это "замедленное время" со своими противоречиями также продлеvalo возможность для укоренения революционной партии в итальянской метрополии.

В 1980-х годах изменения, связанные с кризисом государственного капитализма, новыми чертами цикла империалистического либеризма и новыми коннотациями социальных стратификаций, дали место партийной системе, сосредоточенной на ХДП, отчасти корректируемой ИСП Беттино Кракси. Однако даже этот компромисс, связанный со *средиземноморской реструктуризацией*, был скомпрометирован тем фактом, что баланс между фракциями классов поддерживался за счёт долгов. *Третья Италия* 500 тысяч промышленных корпусов, *длинная волна* капиллярного развития, которую краксизм на-

меревался оседлать, двигалась, по сути, в условиях безнаказанности массового уклонения от налогов, в то время как росла бюрократическая гипертрофия государственных аппаратов.

Перед лицом продвижения европейской интеграции, с образованием единого рынка в 1992 году, заключением Маастрихтского договора и созданием федерации евро в 1997–1998 годах, наступил срок расплаты за итальянское нарушение равновесия, и разразился *кризис интернационализации*. В 1992 году – одновременно со стратегической цезурой распада СССР и юридическим штопором "взятограда" – началось разрушение партийной системы, а вместе с ней и механизма политического метаболизма, сделавшего ХДП основополагающей партией итальянской буржуазии.

(продолжение на стр. 2)

Июль – август 2022 г.

Содержание

ПАССИВНЫЙ ЕВРОПЕИЗМ И ИТАЛЬЯНСКОЕ НАРУШЕНИЕ РАВНОВЕСИЯ.	стр. 1
Новые неизвестные итальянского нарушения равновесия	стр. 2
Кризис порядка и перемены столетия	стр. 3
Инфляция и война	стр. 4
<i>Европейские хроники</i>	
Европейская реформа как геополитический инструмент.	стр. 5
Россия на войне в кризисе порядка	стр. 6
<i>Российские хроники</i>	
Стратегический цугцванг	стр. 7
<i>Хроники Шёлкового пути</i>	
Предупредительные выстрелы в Тайваньском проливе.	стр. 8
<i>Гиганты Азии: дилеммы китайского однопартийного плюрализма</i>	
Дилеммы империалистической демократии в Китае	стр. 9
<i>Мировое сражение в автопроме</i>	
От Детройта к индустрии 4.0.	стр. 10
<i>Страницы истории рабочего движения</i>	
Лассаль и государство	стр. 11
<i>Крупные железнодорожные группы в Китае</i>	
От военной инженерии к Шёлковому пути	стр. 12
ВТО: перезапуск в Женеве	стр. 13
<i>Борьба с коронавирусом</i>	
Международное сотрудничество и медицинский национализм.	стр. 14
Убийство Синдзо Абэ знаменует бурное десятилетие для Токио	стр. 15
Новые двадцатые	стр. 16
Суть момента	стр. 16

Парижский наблюдательный пункт

Ядерная кандидатура и европейский суверенитет	стр. I
Европеистская преемственность "голлизма из центра"	стр. II
Переизбранный Макрон между европейским восстановлением и электоральным испытанием.	стр. III
Коалиционное президентство и риск неуправляемости	стр. IV

Новые неизвестные итальянского нарушения равновесия

(начало на 1-й странице)

Кризисом 1992 года открывается тридцатилетие колебаний и политической нестабильности под знаком *массового приспособленчества*, за поддержкой которого гоняются движения и новые политические формирования, в той или иной мере воплощающие осколки фракций и слоёв класса, которые ранее были собраны и удерживались межклассовостью ХДП и смежных с ней организаций. Параллельно вся эта галактика, до этого осуществлявшая парламентское посредничество, трансформируется и раскалывается социальными изменениями эпохи поздней империалистической зрелости: выпускники вузов и лицеев пополняют круг служащих, семьи с несколькими источниками дохода и широкое распространение собственности конвертируются в *массовый индивидуализм*, который более не нуждается в традиционных партийных секциях, в то время как переживают фрагментацию и различного рода организации этого сектора. Политика спектакля и *телевизионная демократия* берут верх над старыми организационными формами, однако это не означает решения головоломки формирования *массовой базы* в поддержку генеральной линии итальянского империализма. Исследуя электоральное восхождение «Движения пяти звёзд» и «Лиги» Сальвини, мы утверждали, что за последние тридцать лет осколки южного этатизма воплощались поочередно в течениях «Вперёд, Италия!», в приспособленчестве «Национального альянса» и затем «Братьев Италии», уходящем корнями в неофашистское итальянское социальное движение, в «Италии ценностей» Антонио ди Пьетро, в некоторых видных членах Демократической партии, наконец в аппарате «Движения пяти звёзд» с его укоренением на Юге страны. Что касается Севера, там ткань мелких и средних предприятий обратилась к нордистскому налоговому протесту, воплощённому в «Лиге», кстати, так же зависимой от этатистского компромисса в форме неуплаты и уклонения от налогов.

Касательно этих ситуаций мы наблюдали становление политической закономерности: время от времени итальянское нарушение равновесия, основанное на долговом социальном компромиссе, оказывалось в кризисе, из которого невозможно было выбраться с помощью стандартной парламентской процедуры, – в такие моменты открывалось окно для экстраординарного использования представителей европейского истеблишмента, той самой *европейской партии*, в сотрудничестве с Квиринальским дворцом, который наравне с Банком Италии являлся главным якорем этой «партии».

В этом контексте мы пришли к заключению, что с образованием федерации евро динамика европейских и национальных властей создала условия, когда синтез генеральной линии итальянского империализма более невозможен в рамках исключительно итальянских институтов. Единственная дорога, которая могла привести к *европейской реструктуризации* – учитывая провал тред-юнионистской попытки 60–70-х годов, неэффективность *краксисты* в 80-е, крушение партийной системы в 90-е, – это проложенный в 2000-е путь *европеизма сверху*, в комбинации с влачащимся *пассивным европеизмом*. Вкупе с тем

фактом, что мировое противостояние перешло на континентальный уровень – помимо прочих его протонистом является и Европейский союз, – эта констатация позволила нам обновить стоящую перед нами стратегическую интернационалистическую задачу до уровня *оппозиции европейскому империализму*, а задачу нашей партии до уровня укоренения в сердце европейского империализма.

В статье «Итальянское нарушение равновесия и европейское принуждение» (март 2021 г.) нами отмечалось, что в формировании правительства Драги мы фиксировали «кардинальное изменение и противоречие» относительно закономерности прежних кризисов, когда представители *европейской партии* экстраординарным образом оказывались у руля исполнительной власти, как это было с правительствами Амато, Чампи, первым и вторым правительством Проди, а затем Монти. Новшеством являлись «*новые кейнсианские тона, в которые был перекрашен либеристский цикл в условиях кризиса пандемии столетия. Этот кризис был отмечен колоссальным вмешательством государства во всех метрополиях и новым консенсусом в отношении большей роли государственной руки*». «*В предыдущих ситуациях роль крупных функционеров европеизма заключалась в сопровождении адаптации Италии к европейскому циклу [...] под либеристским знаком бюджетной дисциплины*». Во время кризиса *пандемии столетия* план безвозмездных займов и трансфертов *Next Generation EU* предполагал получения Италией при соблюдении условий ещё 200 миллиардов евро, что равняется «около 2 % ВВП в течение следующих шести лет».

Противоречие, как и ранее, было «*связано с глубинной структурой социального компромисса между классами и классовыми фракциями, то есть с тем, как на протяжении десятилетий распределение прибавочной стоимости оформлялось в связи с налогообложением и государственным долгом*». «*Большая коалиция статус-кво*» была представлена правительством «Лиги» и «Движения пяти звёзд», союзом «*авантюристов*» и «*дилетантов*»; «*всеобщее и мгновенное приспособленчество*», которое создало широчайшее большинство для правительства Драги, оставляло открытым вопрос *европейской реструктуризации*: «*Противоречием европеизма сверху была загадка его массовой базы, поскольку европейская реструктуризация была обречена задеть за живое социальный компромисс. Оно может быть смягчено средствами из «Next Generation EU», которые можно будет использовать по ходу реструктуризации, но при этом они могут быть и источником недоразумений: эти фонды функционируют для поддержания статус-кво, а не для его разрушения*». Оставалось подозрение, что правительство и «*широчайшая коалиция европеистского приспособленчества*», которая его поддерживала, были движими противоположными мотивами: «*для Драги европейская реструктуризация означает сохранение статус-кво, а для его парламентской коалиции речь идёт о возможности пользоваться европейскими фондами. Для крупного функционера Европы в Италии речь идёт о «хорошем долге», а для большей приспособленческой коалиции – о «безнадёжном долге» старого компромисса, основанного на раздувании долга*». Драги был вынужден двигаться «*по этому гребню*», «*более тон-*

кому и труднопроходимому», чем тот, о котором заявляла хвалебная медийная риторика в момент инаугурации. С этого самого «*гребня*» Драги в итоге упал. Что это: провалились перспективы его *активного европеизма* или же правительство сумело-таки проложить дорогу *пассивному европеизму*, нейтрализовав антиевропейские приливы итальянского популизма и совранизма?

Сейчас в разгаре электоральная кампания, ход которой подтверждает все черты итальянского нарушения равновесия и *парламентского кретинизма*. Мы же сделаем несколько предварительных наблюдений. Первое: принятое в ответ на скачок инфляции решение о повышении ставок со стороны ЕЦБ, ФРС и Банка Англии, а также грядущий европейский торг вокруг новых условий *пакта стабильности* знаменуют новую фазу в сравнении с кейнсианскими дозировками, принятыми во время пандемии. Интервенционизм государства в *промышленной политике* останется постоянной характеристикой мирового цикла, обусловленный новыми чертами противостояния между США, ЕС и Китаем. Однако вопросы долга и бюджетной дисциплины снова будут иметь значение в отношениях между Италией и Европой.

С одной стороны, артикулируя свои намерения, Джорджа Мелони упоминает Европейский союз. Будучи главой кабинета министров *in rectore*¹, лидер «Братьев Италии», похоже, стремится учесть урок дебюта правительства «Лиги» и «Движения пяти звёзд» четыре года назад, для чего с самого начала ищет стратегически подтверждённые фигуры и избегает фазы растерянного авантюризма первых шагов первого правительства Конте. С другой стороны, существует внутренняя логика *европейского принуждения*, которое действует как ограничивающий фактор, но оставляет пространство для шантажистских тактик *империализма бедняков*: в последние годы Рим постоянно вымалывал *средиземноморскую скидку* на бюджетные ограничения, играя на том, что Берлин, Париж и Франкфурт не могут позволить себе оставить Италию на произвол судьбы. Между прочим, на первый взгляд эта тактика выглядит как *активный европеизм* – с учётом отдельных интересов Италии, – однако в действительности это крайнее упражнение *пассивного европеизма*: сделать как можно более сильным *шантаж слабостью* итальянского империализма, которому в любом случае суждено быть на буксире европейских связей.

Второе: встаёт вопрос о международных направлениях итальянского империализма. Конечно, не стоит абсолютизировать неизвестные величины европейской генеральной линии и евроатлантического положения Италии; *пограничной буржуазии*, такой как итальянская, всегда соответствовали политические дозировки, по максимуму использующие любую возможность двойственности. Мы годами анализировали этот *средиземноморский атлантизм*; помимо него римская политика всегда подпитывалась в определённой мере атлантистской игрой против рейнской оси Франции и Германии. Хотя стратегическая цезура 1989–1992 годов и федерация евро и трансформировали эти стратегические взаимосвязи, порождённые двухполярностью США и СССР, существует долгая традиция

двойственности, к дозировкам которой может обратиться новое правящее правительство, если не даст себя заарканить совранизмам польского типа.

Остаётся фактом, что *фактор E*, такой как Европа, станет решающим для нового правительства, которое обещают электоральные предсказания. Здесь Джорджа Мелони сохраняет определённую двойственность, когда в своих попытках успокоить пытается отметить в особенности атлантистское измерение, а именно в отношении конфликта на Украине, и оставляет в тени европейское измерение *стратегической автономии*. Это не просто нюанс, ведь война расширила линию разлома между рейнской Европой, рассматривающей перспективу консолидировать федеральное ядро Союза, и *Новой Европой*, сконцентрированной вокруг Польши, стран Балтии и Восточной и Северной Европы с их атлантистскими пристрастиями. С одной стороны, новые римские дозировки могут оказаться менее эксцентричными, нежели новые тенденции, проявляющиеся в Европе, с другой стороны, франко-немецкая тяга к усилению федеральной централизации, по-видимому, больше не сможет рассчитывать на *активный европеизм*, которым действительно отметились правительство Драги.

Наконец, нужно понять, какие вопросы ставит новая фаза итальянского нарушения равновесия для революционной политики. В течение более чем полувека конкретный анализ *несоответствия*, его причин в международном противостоянии и динамике классов, позволял нам обновлять и уточнять задачи партии. В условиях колебаний, которые могут быть более или менее крупными по амплитуде, если утвердятся *пассивный европеизм*, вполне вероятно, что пропаганда неофашизма и совранизма сконцентрируется на идентитарных сюжетах *безопасности и иммиграции* – значит, нашей задачей станет защита единства класса против дискриминирующих политик в отношении рабочих-иммигрантов и против любой формы расизма. К этому добавится влияние на наш класс со стороны противоречивых толчков *электроэнергетического и цифрового сражения*: реструктуризация перевернёт снизу доверху многие секторы производства, – а также *вопрос заработной платы*, вызванный последствиями демографической зимы, которая сокращает новые отряды рабочей силы. Упрощенческая демагогия популизма и его двойная межклассовая и ксенофобская претензия обязательно столкнётся с чрезвычайно сложными изменениями социальной динамики; защита *автономии класса* подтвердит свою роль краеугольного камня коммунистической политики.

Более того, будут иметь значение события в мировой политике: *новые двадцатые годы* открываются под знаком войны на Украине и военных манёвров в Азии в Тайваньском проливе. Тем временем перед лицом бессилия парламентаризма мы подтверждаем наш выбор в пользу *стратегического абсентеизма*, интернационалистическая оппозиция европейскому империализму остаётся нашим сражением.

Июль – август 2022 г.

1 – Латинское выражение, которым обозначается ещё не провозглашённое назначение.

Кризис порядка и перемены столетия

На вопрос *Der Spiegel* о том, какой исторический прецедент является наиболее поучительным «для понимания и прекращения войны на Украине», Генри Киссинджер ответил, что у него нет «прямого ответа»: «Потому что война на Украине – это, с одной стороны, война за баланс сил. Но на другом уровне в ней есть аспекты гражданской войны, и она сочетает в себе классическую европейскую международную проблему с абсолютно глобальной. Когда эта война закончится, вопрос будет заключаться в том, установит ли Россия последовательные отношения с Европой, к чему она всегда стремилась, или же она станет аванпостом Азии на границе Европы. И нет хорошего исторического примера».

Таким образом, по мнению старейшины стратегической мысли США, не существует исторического прецедента, когда Россия отвернулась бы от Европы, чтобы привязать себя к Китаю. Можно подумать, что история вернёт свои права, и Россия вновь обратится к «модусу вивенди» со Старым континентом. Два великих старика европейской политики после второй мировой войны Шарль де Голль и Конрад Аденауэр считали, что именно восхождение Китая подтолкнёт Москву в направлении Запада. Но можно, напротив, считать, что именно пропорции и темпы китайского вторжения – Пекин сегодня наравне с Вашингтоном, а в течение двадцати лет, возможно, и со всеми державами старого порядка – определяют условия для исторически беспрецедентной ситуации. Киссинджер обычно склонялся к первому варианту ответа – Россия всегда была частью европейской истории, – но, кажется, впервые не исключает стратегической цезуры столетия.

Этот вопрос обсуждается в России в терминах, которые нелегко оценить под покровом военной пропаганды; некоторые тексты кажутся искусно разбросанными подсказками, предполагающими двойное прочтение. Пишут, что развод с Европой необратим, но затем добавляют, что это относится к «обозримому будущему»¹ или перспективе «ближайших десяти-двадцати лет»², предвещая нормализацию с новым политическим поколением. Аргументируется необходимость обратиться к «не-Западу»³, но подчёркивается чрезвычайная сложность прекращения политического, экономического и культурного симбиоза с Европой, восходящего к Петру Великому.

Главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Фёдор Лукьянов жалеет об упущенной возможности начала 2000-х годов, когда экономическая взаимодополняемость России и ЕС была очевидна для всех, и «стратегическое партнёрство» казалось неизбежным, когда Москва пыталась выбрать из спада 1990-х годов, а ЕС щеголял большими глобальными амбициями. Это «не сопровождалось укреплением политического взаимопонимания», но ответственность за это лежит на крупных европейских государствах, которые были партнёрами России; «ни Балтия, ни даже Польша» не имели достаточного влияния, чтобы всё пошло прахом. Прогнозы по технократическим принципам работали до тех пор, пока одна из двух сторон – Россия соглашалась умерить свои устремления и не настаивать на реализации собственного видения европейской архитектуры. Когда всё закончилось, противоречия выросли до такой степени, что стали неустраиваемыми: «вопрос, который было относительно легко урегулировать двадцать лет назад, сейчас встаёт настолько остро, что самые тревожные разгово-

ли о потенциальном казус белли» (РСМД, 24 июня 2022) между Россией и ЕС.

По мнению декана факультета международных отношений МГИМО МИД России Андрея Сушенцова, в Европе «канулы от стратегического мышления продолжают»; традиции европейской внешней политики были ослаблены либеральной мечтой, и в течение 70 лет не было размышлений о «жизненных национальных интересах». Последние три поколения европейских политиков занимались только «упражнениями по европереговорам» – «облегчённой версии стратегического соперничества», и это способствовало формированию «ложного представления о реальных условиях мировой политики». «Утрата привычки мыслить стратегически приводит Европу к глубоко искажённому восприятию интересов России» на Украине, неверной оценке её «жизненных интересов» (Международный дискуссионный клуб «Валдай», 19 июля 2022).

Отметим, что в связи с этим следует учесть результирующую американской инициативы, которая между инерцией и сознательным расчётом задерживала Польшу и страны Балтии, подтолкнула Москву к военной реакции, вентилируя расширение НАТО в историческом пространстве России, и затянула атлантическую петлю на европейских оборонных перспективах. Комментарий некоего старшего аналитика, о котором сообщает *Global Times*, повторяет доминирующий аспект китайской позиции: «США и Великобритания используют продолжающийся украинский кризис для того, чтобы доминировать в построении европейского, а также глобального порядка. Именно призрак стремления к гегемонии заставил США и Великобританию эксплуатировать Европу и НАТО до такой степени. В этом контексте Франция и Германия не могут оставаться в стороне. Они должны играть роль великих региональных держав и не могут позволить Вашингтону и Лондону похитить европейские интересы».

Две французских публикации, одна с социалистических, а другая с голлистских позиций, подтверждают, что *Global Times* задела за живое. Паскаль Бонифас, директор французского Института международных и стратегических исследований (IRIS), пишет в *La Vanguardia*, что в «геополитическом ДНК» Франции отношения с Москвой всегда были важны, «чтобы гарантировать определённую свободу манёвра и расширять своё поле деятельности, особенно в отношении Вашингтона». Эта специфика сегодня впадала в «зимнюю спячку»; Париж не сможет поддерживать автономные отношения с Москвой, «пока Путин у власти». Что касается европейской стратегической автономии, то это «перспектива, которая сегодня кажется недостижимой, по крайней мере в краткосрочной перспективе», в то время как НАТО «никогда не был таким мощным и таким сплочённым». Франция может «удовлетвориться новыми рамками» и стремиться к роли, аналогичной той, которую играла Великобритания в качестве «лучшего союзника Соединённых Штатов». Эта суггестия распространена в Париже. Или же он может посчитать, что это «просто исторический момент» и в будущем французская «стратегическая ДНК» способна возродиться. Перспектива не должна быть противопоставлением Запада и остального мира; Запад «больше не один у руля», и взгляд на «незападные» страны – читай, на Китай – позволит сохранить французскую и европейскую роль, чтобы избежать конфронтации, из которой Запад вряд ли выйдет победителем. В публикации на сайте Mediapart Бонифас предостерегает, что неувиди-

тельно, от «полонизации» Европы, то есть предоставления пространства для доминирующей в Варшаве идеи о том, что война должна быть направлена на решительное и перманентное ослабление России. Отметим, что эта перспектива по меньшей мере скуёт Европу на линии разлома замороженного конфликта между Киевом и Москвой. И если действительно стремиться к данной перспективе, то это подразумевает разрушительную войну между НАТО и Россией.

Именно за этот аспект хватается Пьер Леллюш, опытный аналитик Французского института международных отношений (Ifri), дипломатический советник Жака Ширака и госсекретарь при Николя Саркози. Леллюш оспаривает в *Le Monde* циркулирующий в Вашингтоне, Лондоне и даже среди некоторых течений Парижа «закоренелый оптимизм», который заставляет думать, что в войне Владимир Путин уже загнан в безвыходную ситуацию, что подтверждается началом процесса вступления Швеции и Финляндии в НАТО и кандидатурой Украины в Европейский союз. То, что началось как «локальный конфликт», ограниченный Донбассом и статусом Украины, превратилось «не только в разрушительную войну в самом сердце Европы, но и в необъявленную войну по доверенности между НАТО и Россией, которая может разразиться в любой момент». По мнению Леллюша, существует «адская механика», вызванная «преднамеренным отречением», которая оставила Владимиру Зеленскому прерогативу определения целей войны: «Чем больше мы поставляем оружия и провозглашаем безоговорочную солидарность, тем более амбициозными становятся цели, объявленные в Киеве, и тем больше требуется поставлять оружия для их достижения», что увеличивает риск заносов или эскалации. В то время как Европу побуждают заниматься восстановлением Украины и обеспечением её безопасности, Вашингтон только выигрывает: «Америка полностью восстанавливает своё лидерство в Европе, продаёт свой сжиженный газ вместо российского, готовится предоставить европейцам десятки миллиардов долларов на вооружение, при этом перекладывая бремя восстановления Украины на тех же европейцев».

Дело в том, что война разрушила франко-германские стратегические направления. Париж и Берлин, похоже, сделали из необходимости добродетель, сопровождая вызванный конфликтом атлантический импульс планами перевооружения Европы и обещая договориться с Вашингтоном в НАТО об условиях трансатлантической взаимности. Факт остаётся фактом: даже если речь идёт о случайном «историческом моменте», как хочет верить Бонифас, цезура войны такова, что обуславливает стратегическую позицию Европы в глобальной определяющей фазе новых двадцатых, которые обещают быть бурными из-за радикального изменения баланса сил в Азии.

Редакционная статья Николаса Буссе во *Frankfurter Allgemeine Zeitung* затрагивает животрепещущий вопрос, проходящий через все немецкие дебаты, к которому мы ещё вернёмся. Он утверждает, что война на Украине – «это первое сражение новой многополярной эры». Китай нужно отделить от России, и это было бы особенно полезно для европейцев, потому что Путин может позволить себе нападать на Запад только потому, что на Востоке у него мир. Однако этому противостоит американская точка зрения, согласно которой, реальным противником является Китай. Отметим, что здесь сосредоточена последняя европейская

стратегическая дилемма: «Поскольку Европа не способна в одиночку защитить себя от России, она не сможет проводить в отношении Китая политику, которая противоречит базовой линии Вашингтона».

Вопрос связан с тем, на каких фронтах будет определяться противостояние держав, та линия разлома между Западом и не-Западом, на которую ссылаются, дабы предотвратить её, и Бонифас и китайцы, и которая в атлантической пропаганде представлена как борьба между блоками демократии и авторитаризма. Серия международных саммитов в начале лета продемонстрировала признаки кризиса глобального порядка, но без какого-либо чувства завершённого направления. Европейский совет глав государств и правительств ознаменовался принятием решения о начале процесса вступления в ЕС Украины и Молдовы. Поворотный момент имеет два лица. Это демонстрирует привлекательность Евросоюза и неспособность России противостоять ему на основе экономической силы, но, предвещая раздел Украины, это ставит ЕС на линию разлома вдоль границ Донбасса и Приднестровья, которой суждено оставаться активной.

Саммит БРИКС приобрёл характер встречи не-Запада, претендующего на пересмотр мирового порядка и глобализации, в противовес Большой семёрке и Атлантическому альянсу. Саммит также вызвал представления об отсутствии изоляции России и многовекторности индийской державы.

Встреча Большой семёрки в Баварии показала, что державы старого порядка уже не представляют мир. На саммите НАТО в Мадриде впервые присутствовали азиатские союзники США: Япония, Корея, Австралия, Новая Зеландия, но не Индия, что очень важно. В новой стратегической концепции Атлантического альянса Россия определяется как главная «угроза», а Китай – как «вызов». Париж утверждает, что здесь он заработал очко; Вашингтон хотел бы, чтобы было больше указаний на Пекин, но фронт под руководством Франции считает, что Китай не следует квалифицировать как Россию. «Это средство, – пишет *Le Monde*, – для подтверждения того, что безопасность евроатлантического пространства должна оставаться «сердцем задачи Альянса», как это считает Париж». Следует отметить, что существует связь между тем, как определяют Китай – вызов, а не угроза, – и тем, как характеризуют Североатлантический альянс – евроатлантический фронт, а не глобальный НАТО.

Наконец, на саммите министров иностранных дел Большой двадцатки глава китайского МИД Ван И заявил Субрахманьяму Джайшанкару о своей признательности за нейтралитет Индии, что стало одним из самых значительных событий, произошедших в Азии после начала кризиса на Украине. По словам Вана, Индия «не должна следовать в фарватере» западных призывов перед лицом «мировых изменений, которые происходят только раз в столетие». Это то самое изменение столетия, на которое ссылается Киссинджер: Пекин думает стать интерпретатором этого момента. Под этим знаком пройдёт всё ближайшее десятилетие.

Июль – август 2022 г.

1 – Тренин Д. Гибридность как главная черта современных международных конфликтов // РСМД. 28.06.2022.

2 – Караганов С. Почему Россия уверена, что не может потерпеть поражение в конфликте на Украине? // Россия в глобальной политике. 03.08.2022.

3 – Тренин Д. Указ. Соч.

Инфляция и война

Война на Украине сильно обострила инфляционный процесс, порождённый пандемическим кризисом, поставив Европу на грань энергетического кризиса, а беднейшие слои населения Африки, Среднего Востока и Центральной Азии – на грань кризиса продовольственного. Ужесточение монетарной политики, инициированное центральными банками для противодействия самой агрессивной инфляции с 1980-х годов, чревато долговым взрывом в странах с наиболее хрупкими финансовыми системами. Укрепление доллара демонстрирует, что во время кризисов американский рынок по-прежнему остаётся своеобразным убежищем, отбирая потоки капитала у других направлений.

В условиях беспощадных боёв на Днестре и в Чёрном море и мобилизаций ВМФ и ВВС в Южно-Китайском море экономический цикл выглядит заложником военного цикла, а в некоторой степени и является таковым. Мировые военные расходы в 2021 году впервые превысили 2 трлн долларов. Нынешняя военная напряжённость отражает изменившиеся соотношения сил, которые в некоторых исторически важных областях ставят под сомнение стратегические двусмысленности, проявившиеся в предыдущих кризисах унитарного империализма, такие как временное равновесие или замороженные противоречия. Взятые вместе, они также представляют собой отношения, ставшие более нестабильными в фазе относительного и неравномерного упадка цикла глобализации: то есть в фазе замедления темпов её развития, в то время как разрыв некоторых из очень сильных взаимозависимостей, выстроившихся и достигших пика в течение десятилетий триумфа либеризма, высвобождает удивительно разрушительные силы.

Неравномерная глобализация

Бывший председатель Morgan Stanley Стивен Роуч исследует некоторые аспекты этого упадка: доля глобального экспорта в ВВП выросла с 19 % в 1990 году до пика в 31 % в 2008-м; в последующие тринадцать лет (до 2021 года) эта доля составляла в среднем 28,7 %, то есть снижалась не очень сильно. С другой стороны, среднегодовой прирост экспорта существенно изменился: 3,3 % после кризиса 2008 года против 9,4 % в предыдущие двадцать лет. Роуч подсчитал, что если бы мировой среднегодовой прирост экспорта сохранял хотя бы промежуточный темп в 6,4 %, то его доля в ВВП сегодня достигла бы 46 %. Роуч правильно определяет этот процесс как «длительное замедление мировой торговли», но делает это лишь для того, чтобы переопределить его как «деглобализацию».

Китай, по словам Роуча, избежал замедления темпов роста экспорта, характерного для других стран. За десятилетие до вступления в ВТО его экспорт составлял 2 % от мирового, к 2008 году вырос до 7,5 %, а в 2021-м достиг 12,7 %. В процессе глобального финансового кризиса Китай оставил свой отпечаток на глобализации, превратившись из объекта в субъект мировой экономики, подняв свой демографический и промышленный вес до уровня империалистической зрелости. Роуч считает, что Китай вряд ли сохранит свои показатели. Причины: после 2018 года США перестали быть для него крупнейшим источником внешнего спроса; серьёзное влияние оказали сбои в цепочках поставок; геостратегическая напряжённость, побуждающая США к *френдшорингу* – созданию бизнес-связей преимущественно на основе предположений о большей безопасности, вытекающих из наличия определённых стратегических союзов, – привела к «неограниченному партнёрству» Китая и России; наконец, Пекин сократил свои вложения в казначейские облигации США. Все эти аргументы, по мнению крупных международных групп,

имеют лишь ограниченный и временный вес перед лицом привлекательности необъятного китайского рынка.

Неустойчивый и хаотичный цикл

Международный валютный фонд (МВФ) в своём опубликованном в конце июля отчёте даёт количественную оценку падению темпов роста мировой экономики после экстраординарного восстановления 2021 года. Темпы роста ВВП сократились почти вдвое, причём как в глобальном масштабе (с 6,1 до 3,2 %), так и в крупных регионах: в «развитых» странах темпы роста ВВП упали с 5,2 до 2,5 %, в «развивающихся» – с 6,8 до 3,6 %. А темпы роста мировой торговли рухнут с 10,1 % в 2021 году до 4,1 % в 2022-м с дальнейшим падением до 2,2 % в 2023-м. В США они упали с 5,7 до 2,3 % и в 2023 году снизятся до 1 %, еврозоны – с 5,4 до 2,6 и 1,2 % соответственно. На Старом континенте сильнее всего от антиевропейского наступления России страдает Германия – мотор европейской промышленности и экспорта, – которая скатывается к анемическому росту в 1,2 % в 2022-м и 0,8 % в 2023 году.

Самое сильное замедление грозит Китаю: с 8,1 % в 2021 году до 3,3 % в 2022-м, но в отличие от США и еврозоны в 2023 году он восстановит темпы до 4,6 %. Резкий спад в Китае объясняется драконовской политикой Пекина в отношении COVID и более серьёзным, чем в 2015 году, ипотечным кризисом. В Азии самый высокий рост сохраняется в Индии (7,4 %). Экономика России, несмотря на то, что вошла в рецессию из-за санкций, демонстрирует большую устойчивость, чем предполагалось в апреле, в том числе благодаря сбору богатого урожая сверхприбылей, полученных за счёт неоднократных сокращений поставок газа, стоимость которого с начала вторжения на Украину выросла в четыре раза. Главный экономист МВФ Пьер-Оливье Гуриша считает, что война и санкции вызвали в России меньше негативных последствий, чем ожидалось, а в Европе – больше.

Причины нового замедления хорошо известны: государства прекратили поддержку, оказываемую во время пандемии; хаос в цепочках поставок расстроил многие отрасли, привёл к снижению поставок сырья и комплектующих и повышению издержек; сокращение инвестиций в ископаемые виды топлива, вызванное тем, что правительства установили сжатые сроки энергетического перехода и перехода на электромобиль, привело к нехватке энергии, которая ещё более усугубилась с началом войны; газ, который должен был стать переходным энергоресурсом, превратился в экономическое оружие России против Европы; всё это вызвало инфляцию, которая в западных метрополиях приближается к 10 %; завершает картину повышение процентных ставок центральными банками, которые делают это, чтобы снизить цены. Гуриша говорит: «Такая синхронизация ужесточения монетарной политики между странами исторически беспрецедентна», «мир может оказаться на грани глобальной рецессии».

Шри-Ланка, кто следующий?

Кризис, разразившийся в начале июля на Шри-Ланке (бывшем острове Цейлон, расположенном в Индийском океане), вызвал тревогу в отношении состояния задолженности нескольких десятков «развивающихся» экономик. Шри-Ланка с населением 22 млн человек считалась страной со средним уровнем дохода. Сегодня же, по данным *Foreign Affairs*, 90 % её населения «не хватает еды». Как пишет бывший главный экономист Всемирного банка Энн Крюгер, до первой половины прошлого десятилетия в стране был относительно высокий уровень жизни, хорошие социальные услуги и среднегодовые темпы экономического роста

в 6,5 % ВВП. По её мнению, катастрофа могла быть вызвана двумя типично популистскими шагами правительства, пришедшего к власти в 2019 году: значительным снижением налогов, приведшим к дефициту государственного бюджета в размере 10 % и спровоцировавшим инфляцию, достигшую 55 %; такой протекционистской мерой, как запрет на ввоз удобрений, которая привела к сокращению производства риса и экспорта чая. Шри-ланкийская рупия обесценилась на 45 %. Чтобы защитить её, правительство опустошило свои резервы и в мае объявило дефолт по внешнему долгу. Народное восстание заставило президента Готабаю Раджапаксу бежать за границу. При этом осуществить реструктуризацию долга Шри-Ланке будет проблематично, поскольку Китай, один из её крупнейших кредиторов, обычно выступает против, предпочитая рефинансирование.

Опрос, проведённый журналом *The Economist* среди представителей «развивающихся» стран, которым грозит подобная участь из-за сочетания внутренних и международных факторов, указывает на 53 экономики, находящиеся в состоянии большой уязвимости, среди которых выделяются 15 стран со средним уровнем дохода. Среди них есть и такие средние демографические державы, как Египет и Пакистан, которые также являются одними из наиболее уязвимых к нехватке зерновых, потоки которых идут из Чёрного моря слишком медленно. Монетарная политика крупных держав оказывает прямое влияние на эти страны.

Новые инвестиции для Америки

Соединённые Штаты вступили в «технологическую рецессию», характеризующуюся отрицательными показателями роста в первые два квартала этого года. Однако Национальное бюро экономических исследований (National Bureau of Economic Research, NBER), которое устанавливает поворотные точки американских экономических циклов, использует множество индикаторов, и вполне вероятно, что какие-то более общие суждения позволят избежать диагноза рецессии, которой Белый дом опасается из-за того, что этим может воспользоваться на предстоящих промежуточных выборах в Конгресс республиканская оппозиция.

В период с июля по август демократам удалось завершить работу над двумя законами, которые должны позволить Вашингтону наверстать упущенное в области цифровой реструктуризации по отношению к Китаю и «зелёной экономики» по отношению к Европе, на данный момент поглощённой оборонительной борьбой в энергетической сфере. «CHIPS Act» предусматривает субсидии в размере 52 млрд долларов для производителей полупроводников, которые будут развивать свою деятельность в США, плюс 200 млрд долларов на развитие исследований в области искусственного интеллекта, робототехники или квантовых вычислений. «Inflation Reduction Act», который *Financial Times* определяет как «самый важный климатический закон в американской истории», предусматривает выделение 370 млрд долларов на финансирование климатической безопасности и декарбонизации – это половина средств, которые планируется привлечь за счёт реформы цен на отпускаемые по рецепту лекарства (290 млрд долларов) и дополнительных налоговых поступлений с доходов с введением *minimum tax* в размере 15 % на прибыль предприятий (450 млрд долларов). Инвестиционные стимулы также призваны частично компенсировать увеличение стоимости капитала, инициированное Федеральным резервом.

Третий путь Карни

Энергетическая инфляция достигла огромного веса в глобальном балансе

издержек и прибыли. По данным Международного энергетического агентства (МЭА), в 2022 году глобальные расходы на энергию составят 10 трлн долларов. МЭА не уточняет, рассчитывались ли эти данные по паритету покупательной способности или по текущим обменным курсам: в зависимости от того, какую из двух гипотез использовать, эти расходы составят 6,5 или 10 % ВВП соответственно. Чистый доход производителей сырой нефти и газа удвоится по сравнению с 2021 годом и составит 4 трлн долларов. Существует большая неопределённость в отношении того, куда будут направлены эти дополнительные прибыли.

Марк Карни, бывший управляющий Банка Англии, а ныне специальный посланник ООН по вопросам деятельности, связанной с изменением климата, и финансовым вопросам, в недавней речи указал, какое направление он считает правильным: до конца десятилетия инвестиции в чистую энергетику должны сохраняться на уровне, который в четыре раза превышает уровень инвестиций в ископаемое топливо, а для этого инвестиций в экологически чистую энергию потребуется в три раза больше, чем сейчас. И горе тем, кто выберет неправильную дозировку! «Неправильные стимулы спроса и предложения могут означать, что цена барреля нефти будет колебаться от 20 до 190 долларов к 2030 году». Крупные нефтяные и газовые компании «не согласны с переходом к углеродной нейтральности к 2030 году», жалуется Карни, но утверждает, что сколоченная под его руководством коалиция финансовых групп Glasgow Financial Alliance for Net Zero способна разработать «комплексную основу для планирования перехода».

Инициатива Карни интересна тем, что, помимо подтверждения полного идеологического поражения либеризма, она ищет альтернативу не в кейнсианских вариантах, а в русле «организованного капитализма» – идеологии, которая уже в «социалистической» формулировке Рудольфа Гильфердинга, как отмечает Арриго Черветто в «Политической оболочке», исходит из анализа и практики банковской кредитной системы. А кто же как не центральный банкир может реинкарнировать эту идеологию! Тем более имеющий амбиции выступить в качестве связующего звена между отдельными правительствами с их планами (такими как план Байдена или европейский «REPowerEU») и крупными мировыми финансовыми институтами.

Состояние Европейского союза демонстрирует, насколько иллюзорно надеяться на планирование капиталистической системы. ЕС утвердил свою энергетическую таксономию в начале февраля, которая исключила уголь и включила природный газ и ядерную энергию. Три недели спустя вспыхнувшая война на Украине поставила под угрозу поставки российского газа и привела к возвращению угля. В первом полугодии потребление угля в ЕС выросло на 10 % благодаря спросу на продукцию соответствующих электростанций, который подскочил на 16 %. Достигнутое в конце июля европейское соглашение о координации добровольного сокращения потребления газа на 15 % станет для союза проверкой на сплочённость: если оно будет реализовано, то, по словам экспертов Института Брейгель, ЕС сэкономит в период с августа по март 45 млрд кубометров газа, что составляет одну треть годового импорта российского газа. Но экономия – скользкая почва: менее зависимым от российского газа странам придётся действовать из солидарности, под перекрёстным огнём генерала-зимы и вожаков популизма.

Европейские хроники

Европейская реформа как
геополитический инструмент

По итогам майской Конференции о будущем Европы Эмманюэль Макрон начал дебаты о реформе европейских институтов. Основными предложениями французского президента были создание Европейского политического сообщества (ЕПС) для связи с государствами-соседами ЕС, а также организация Конвента с целью изменения договора, чтобы централизовать больше полномочий на континентальном уровне. Как же эти предложения будут способствовать укреплению европейского империализма?

Дивизионы в Европе

Николай фон Ондарза и Минна Аландер из немецкого Института международных отношений и безопасности (Stiftung Wissenschaft und Politik, SWP) считают, что конференция не способствовала «поиску компромисса по изменению договора» (*“Von der Zukunftskonferenz zur Reform der EU”*, июль 2022). Ещё до начала конференции в неофициальном документе 12 стран призвали не менять договор. Это Австрия, Дания, Эстония, Финляндия, Ирландия, Латвия, Литва, Мальта, Нидерланды, Чехия, Швеция и Словакия. Впоследствии, по окончании конференции, группа из 13 стран – предыдущие 12 без Австрии, Ирландии, Нидерландов и Словакии, но с Болгарией, Хорватией, Польшей, Румынией и Словенией – опубликовала новый неофициальный документ, в котором осудила «максималистский подход Европарламента». Венгрия, не подписавшая документ, может быть добавлена к этим 13 странам, поскольку она также выступает против внесения изменений в договоры. В ответ 6 государств – Бельгия, Германия, Италия, Люксембург, Нидерланды и Испания – опубликовали ещё один неофициальный документ в поддержку конференции. К лагерю сторонников следует также отнести Францию, которая не подписала этот документ, поскольку в то время председательствовала в Европейском совете. Фон Ондарза и Аландер отмечают, что только одна страна действительно перешла на другую сторону во время продолжавшейся в течение года конференции – это Нидерланды.

По мнению фон Ондарзы и Аландера, «пандемия и война меняют рамки дебатов о будущем Европы». Противостояние идёт по двум темам: расширение и углубление. Если ЕПС Макрона подпадает под первое, то дискуссии об изменениях в договоре относятся скорее ко второму. Оба автора отмечают, что после войны на Украине «расширение вновь становится геополитическим инструментом». «За время агрессивной войны России против Украины государства северной, центральной и восточной Европы стали ближе и роднее», они не хотят изменений договора, но «сильно поддерживают вступление Украины в ЕС и его расширение за пределы Украины по геополитическим причинам». Их позиция, «надежда на явное поражение России [...] контрастирует с более осторожным подходом Германии и Франции – не разрушать все мосты с Россией». Фон Ондарза и Аландер заключают, что «борьба за стратегическую ориентацию ЕС продолжается».

Франко-германские противоречия

Берлин и Париж, похоже, больше согласны во мнениях об углублении,

чем о расширении. В статье, опубликованной 18 июля в газете *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, Олаф Шольц сказал: «Мы просто не можем больше позволить себе национальное вето, например, в вопросах внешней политики, если хотим, чтобы к нам продолжали прислушиваться в мире конкурирующих великих держав». Канцлер Германии также объявил, что в ближайшие месяцы Германия представит конкретные предложения по углублению роли Европы «в иммиграционной политике, в построении европейской обороны, в технологическом суверенитете и демократической устойчивости». Лоранс Бун, государственный секретарь Франции по европейским делам, поддержал текст Шольца в *Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung* от 24 июля, что свидетельствует о единстве рейнской оси по вопросам, поднятым канцлером.

В речи Шольца не было упоминания о европейском политическом сообществе. В этом вопросе министр иностранных дел Германии Анналена Бербок проявила сдержанность, предпочитая единство ЕС двухскоростной Европе. По мнению Бербок, с которым согласны фон Ондарза и Аландер, лучше стремиться к отмене принципа единогласия во внешней политике без изменения договоров. Для министра из партии «Зелёных» Конвент остаётся «идеалом», а также «дальновидной дорогой к европейскому федеративному государству». Однако она признает: «У нас нет большинства на нашей стороне» (*Der Spiegel*, 8 июля). В действительности в статье 48(7) Европейского договора есть промежуточная оговорка, которая позволяет отменить право вето в этой области. Однако переход к голосованию квалифицированным большинством требует единогласия в Европейском совете.

Что касается дебатов вокруг ЕПС, Чарльз Грант из Centre for European Reform пишет, что Берлин был «обижён» тем, что его не проинформировали и не проконсультировались с ним до того, как Макрон объявил об этой инициативе. Однако Грант на основании французских источников делает вывод, что «в целом Германия не будет блокировать ЕПС» (*“Macron is serious about the “European Political Community”*», 1 августа).

В странах Балтии и Восточной Европы ЕПС рассматривали как способ предотвратить вступление Украины в ЕС, поставив её в своего рода бесконечную комнату ожидания. Эта идея, как сообщается, утратила свою актуальность после дипломатического наступления Франции; теперь вопрос о ЕПС должен быть включён в повестку дня саммита Европейского совета в Праге в начале октября. Тот факт, что в июне Париж также одобрил статус кандидата для Украины и Молдовы, мог бы способствовать этим усилиям.

По словам Гранта, Париж видит несколько причин для создания ЕПС. Во-первых, потому что, по общему мнению, политика ЕС в соседних регионах терпит неудачу. Во-вторых, потому что ЕПС возобновит застопорившийся процесс расширения. В-третьих, потому что это позволило бы британцам «социализироваться». Наконец, потому что, по мнению Макрона, Европе не хватает форума для

обсуждения общих стратегических вопросов всеми правительствами.

Британские конвульсии

Грант считает, что Великобритания должна участвовать в ЕПС, который может оказаться «полезным стратегическим форумом». Однако после падения премьер-министра Бориса Джонсона в начале июля политические дебаты в стране пошли не в этом направлении.

Дилетантизм Джонсона стал препятствием для управления сложной ситуацией: отношения с ЕС не стабилизировались, национальные вопросы в Шотландии и Ирландии вновь выходят на первый план, ощущается нехватка рабочей силы, инфляция в этом году ожидается на уровне 13 %, а стоимость жизни, вероятно, будет расти и дальше в связи с повышением счетов за электроэнергию, ожидаемым этой зимой. В конечном итоге серия скандалов, поражение на двух местных выборах и неблагоприятные результаты опросов заставили его партию отказаться от него. 7 июля Джонсон был вынужден передать роль премьер-министра следующему лидеру Консервативной партии. Поэтому его преемник будет определяться не на всеобщих выборах, а среди членов партии.

В редакционной статье от 7 июля *Financial Times* выразила надежду, что преемник Джонсона будет обладать такими качествами, как «честность и уважение к верховенству закона, иметь более прагматичный и серьёзный подход к ЕС», а также «готовность ответственно и решительно решать экономические проблемы».

К сожалению для газеты Сити, именно этими качествами не отличаются оба кандидата на данный пост – Риши Сунак и Лиз Трасс, которые собираются побороться за консервативный электорат.

Сунак (42 года) был канцлером казначейства Джонсона с февраля 2020 года до своей отставки 5 июля этого года. Сын иммигрантов индийского происхождения, Сунак до прихода в политику сделал карьеру в финансовой сфере. На референдуме по Брекситу в 2016 году он поддержал лагерь «Выйти». Со своей стороны, Трасс (47 лет) выросла в семье левых и, прежде чем вступить в Консервативную партию во время учёбы, была активисткой Либеральных демократов. В 2016 году она входила в состав правительства Дэвида Кэмерона и поддерживала кампанию «Остаться», выступая против Брексита. Позже она ловко превратилась в яркую сторонницу Брексита. Занимая различные государственные посты, год назад она стала министром иностранных дел в правительстве Джонсона.

И Трасс, и Сунак поддерживают Брексит, одностороннее изменение соглашения ЕС, регулирующего торговлю с Северной Ирландией, и достигнутое в апреле соглашение с Рундией о депортации в эту страну лиц, ищущих убежища. Оба также утверждают, что являются наследниками Маргарет Тэтчер.

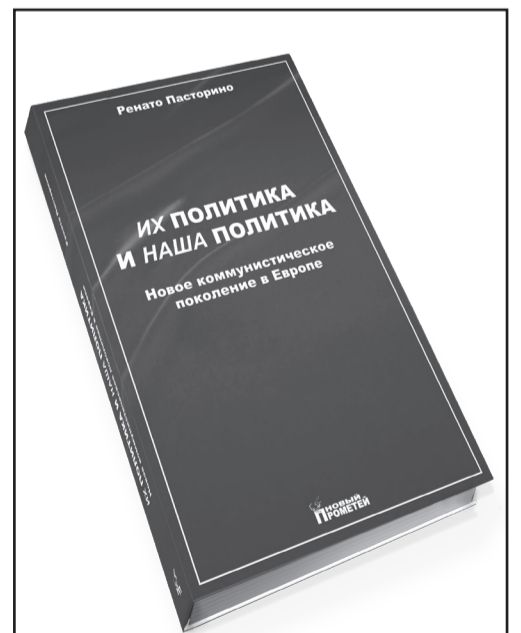
В *Financial Times* Роберт Шримсли объясняет, почему он считает, что победит Трасс: сегодняшние тори «хотят инвестиций в коммунальные услуги и субсидий для оплаты счетов за электроэнергию; надёжную валюту,

но и больше долгов, дерегулирование и в то же время интервенционизм; Брексит и более быстрый рост; строительство жилья, но не там, где они живут». Тори хотят «химеру». В то время как Сунак «подчёркивает угрозу инфляции», Трасс оказывается «достаточно умна, чтобы знать, что лучше этого не делать, но в то же время достаточно разумна, чтобы подыгрывать. И поэтому она обещает снижение налогов, увеличение долга и более агрессивный подход к Брекситу» (28 июля). Хотя Трасс лидирует в опросах, на момент написания этой статьи победитель ещё не известен.

Два года назад мы писали: «С точки зрения социальной психологии, параболла, пройденная от Тэтчер до Джонсона, отражает закономерность мутации либерального индивидуализма: открытый и оптимистичный, направленный на защиту собственности и личности, когда прилив глобализации обещает поднять все лодки, но скатывается до национал-либерализма, оканчивающегося ксенофобией и расизмом, когда глобализация ухудшает положение мелкой буржуазии, семей с несколькими источниками доходов, слоёв рабочей аристократии и угрожает приобретёнными ими преимуществами» («Пролетарский интернационализм», октябрь 2020 года).

Находясь в плену колебаний, характерных для этих социальных слоёв в условиях относительного атлантического упадка из-за восхождения Китая, Консервативная партия затрудняется утвердить общий стратегический интерес британской крупной буржуазии – иметь якорь в Европе, чтобы выдержать битву между державами континентального масштаба. Сможет ли ЕПС стать ключом к выходу из изоляции, остаётся неизвестным.

Июль – август 2022 г.

Ренато Пасторино
Их политика и наша политика

288 страниц,
твёрдый переплет,
список аббревиатур,
хронология, библиография,
биографический справочник.

ISBN 978-5-6042357-2-0

Цена 350 руб

Россия на войне в кризисе порядка

Из предисловия к готовящейся к изданию на итальянском языке книге Донато Бьянки "La Russia in guerra nella crisi dell'ordine".

В мае 2008 года Дмитрий Медведев стал президентом России, сменив Владимира Путина, занявшего пост председателя правительства. Проходит несколько месяцев, и в августе прозвенел первый звонок – война в Грузии: через пять дней российские войска продвинулись на расстояние прямой видимости Тбилиси, а президент Франции Николя Саркози, в то время также действующий президент Европейского совета, начал переговоры о прекращении огня. В конце месяца Россия признала независимость двух сепаратистских грузинских регионов – Абхазии и Южной Осетии.

В мае 2012 года Путин снова стал президентом, а два года спустя затянувшийся украинский кризис перерос в полномасштабную войну за контроль над Донбассом. Тем временем Москва заполучила Крым, а вместе с ним и военно-морскую базу в Севастополе. С сентября 2015 года начинается российская военная интервенция в Сирии. Наконец, 24 февраля 2022 года вторжение в Украину открывает жестокую и трагическую страницу в европейских и мировых отношениях.

Так что *Россия на войне* – это не эффектный заголовок, а синтез характерного элемента российской политики последних пятнадцати лет, нить её эволюции. Это переплетается, а иногда и перекручивается, с другими элементами: прежде всего, с так и не преодоленной зависимостью Москвы от энергетического сектора. Именно в этом боль и радость Кремля, предмет взаимного шантажа: если Москва может влиять своими поставками энергоносителей на поведение своих западных «клиентов», то те, в свою очередь, могут дозировать поставки технологических товаров и инвестиций. Это воплощенные проблемы реструктуризации, которую часто начинали, но никогда не доводили до конца.

Третье направление является чисто политическим и касается государственной формы. Постоянно повторяющееся упрощение – авторитаризм в противовес западной демократии. Учитывая, что авторитарное поведение в российской политической системе очевидно, полезнее определить его детерминанты. Для этой цели марксистская концепция, в которой говорится о «*вариациях и грациях*»¹ демократии, безусловно, более эффективна. Именно в эти рамки можно поместить концепцию *суверенной демократии*, как называет себя специфическая российская политическая форма, в которой не должна теряться связь с международными отношениями. Мы ещё вернемся к этому вопросу.

Неизбежно, украинский кризис, теперь уже война, а также, в более широком смысле, отношения с зарубежным соседом – это те элементы, которые более других характеризуют этот период. Мы смогли проследить за ними с позиций подхода, уже определённого нами в статье 2004 года, когда проявилась первая напряжённость вокруг украинского узла. Напомним эту дискуссию и последующие события, обратившись к текстам нашей стратегической разработки.

Статья от января 2005 года (теперь в книге «Европа, Азия и кризис», изд. Lotta Comunista, 2008) открывается предложением рассматривать каждый частичный кризис, такой как украинский, «*в связи с глубинными силами, которые изменяют всемирный баланс держав*», то есть «*двух ключевых факторов новой стратегической фазы, вторжения Китая и объединения Европы*». «*Для Москвы Украина представляет собой жизненно важный вопрос*», затрагивающий национальную идентичность, промышленные и энергетические отношения и перспективу «*восстановления того стратегического пространства, каковым был СССР*», но это также «*якорь России в Европе*», перед лицом атавистического страха быть «*азиатизированной*», как отмечает Элен Каррер д'Анкокс.

Если таковы исторические направления России в отношении Украины, то каковы же факторы, определяющие политику Запада на той же шахматной доске? Здесь основной раскол очевиден: для Европы это «*предпосылка для отношений с Москвой*», в то время как для США это «*средство давления в двух направлениях: разумеется, чтобы поставить в зависимость Россию, но, прежде всего, с целью повлиять на отношения между ней и Европейским Союзом*». В тот момент было высказано суждение, что «*до настоящего времени*» ЕС исключал расширение на Восток, которое могло бы дойти до Киева, именно для того, чтобы избежать «*непоправимой напряжённости в отношениях с Москвой*»². Особенно в момент, когда после вступления в НАТО Болгарии, Румынии, Словении, Словакии и трёх балтийских стран, ранее входивших в состав СССР, Украина стала последней буферной зоной между Россией и обезличенным «западным лагерем».

Это исходная картина: последующие мутации, вплоть до сегодняшнего открытия переговоров о вступлении Украины в ЕС, являются результатами сражения, которое бушевало в этой области в течение двадцати лет с участием всех основных держав – России, США и Европы. Теперь вооружённое столкновение изменило рамки этой картины.

Эти события часто представляются как личный выбор того или иного главы государства, более или менее обдуманной. Вместо этого, как мы не раз говорили, их можно понять, придерживаясь марксистского метода: «*Марксистская наука о политике и международных отношениях должна начинаться с наблюдения за политическими фактами, описывать их константы и исключения, переходить к основным тенденциям империалистического развития и классовой борьбы, а затем возвращаться на поверхность – к личностям, течениям и политическим битвам. Речь идёт о придании научного порядка вещам, а не о плоском экономистском детерминизме*»³ (в книге «Кризис порядка и пандемия столетия», изд. Lotta Comunista, 2021).

Давайте проследим за развитием событий. В августе 2008 года, как мы уже говорили, пятидневная война в Грузии имела ту же схему, что и война в Украине, но, очевидно, на меньшем стратегическом узле. Тем не менее, это был признак возросшей

напористости России. Несколько лет спустя Федор Лукьянов, ныне председатель Президиума Совета по внешней политике и обороне, сказал, что это было «*чувством психологического реванша за почти 20 лет геополитического отступления*» («РИА Новости», 12 июня 2011 года).

То столкновение выявило связь, которая будет всплывать в дальнейшем и которая присутствует и сегодня, – а именно, связь с Балканами: «*симметричное притяжение ЕС в отношении Сербии, а России – Украины и Грузии*». Обмен на этом фронте может быть, как было сказано в сентябре 2008 года, «*частичной ставкой на фактическое взаимопонимание между Брюсселем и Москвой*», но, именно поэтому, «*здесь Вашингтон пытается вклиниться, используя антироссийские настроения в Польше и Чехии*»⁴ (в книге «Глобальный кризис и европейская реструктуризация», изд. Lotta Comunista, 2013). Различные подходы к отношениям с Москвой между Брюсселем с одной стороны (особенно в Париже и Берлине) и в Вашингтоне с другой стороны постоянно присутствовало на протяжении всего периода: это в немалой степени осложняло ситуацию и препятствовало такому решению.

Так, весной 2014 года разразился украинский кризис, который вскоре выйдет за рамки политического раскола между Востоком и Западом страны (о котором свидетельствуют все прошедшие выборы) и превратится в столкновение регионов, то есть войну.

В очередной раз проявляется «*внутреннее противоречие*», когда Москва считает Украину своим жизненным интересом, а сама Украина разделена на «*европеизированный, националистически и сепаратистски настроенный Запад, русифицированный Восток и зажатый между ними Киев, посредничество которого постоянно ставится под сомнение*». В этом состоит причина «*повторяющихся демонстраций силы*» со стороны Москвы, а также возможности «*американских вмешательств*», и именно это «*осложняло попытки Европы осуществить линию прагматического самоограничения, сдерживая более проникающее давление Польши, Швеции и государств Балтии*», писали мы в январе 2014 года (в книге «Кризис порядка и пандемия столетия», изд. Lotta Comunista, 2021)⁵.

Именно в этот момент появляется гипотеза о «*финляндизации*» Украины, используемая в смысле, противоположном первоначальному: речь уже не о регионе Запада, нейтралитет которого навязан близостью к СССР, как это было для Финляндии в послевоенный период; теперь «*финляндизацию*» понимают «*в качестве гипотезы о вмешательстве с целью изменения политического порядка, который сковывал Советский Союз в Восточной Европе*». Это уже бывало ранее – в отношении Польши, Венгрии и Чехословакии: новизна в том, что теперь «*мы можем уже говорить о "финляндизации" не Восточной Европы – в 1945 году являвшейся внешним поясом на границах СССР, – а Украины, тысячелетней колыбели русской идентичности и части Российской империи с середины XVII века*»⁶ (в книге «Кризис порядка и пандемия столетия», изд. Lotta Comunista, 2021). События 2022 года вышли за рамки этой гипотезы: сама Финляндия вместе со

Швецией начала процесс вступления в НАТО, что мы назвали «*стратегическим ударом, нанесённым Москве*»⁷, первым итогом войны.

Цель стратегии вмешательства, которую в то время чётко сформулировал Збигнев Бжезинский, состояла в том, чтобы отрезать путь к созданию Евразийского союза, о котором Путин объявил в октябре 2011 года и который увидел свет в январе 2015 года. Это было основополагающим элементом «*президентского манифеста*», с которым Путин вновь выдвинул свою кандидатуру на пост главы государства: «*Евразийский союз будет строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы*». Она предусматривалась как форма интеграции всего континента и основа партнёрства с ЕС, в той мере, в какой её можно рассматривать как помощь странам, желающим «*быстрее и на более сильных позициях интегрироваться в Европу*». В то время мы окрестили его «*привлекательной офертой Киеву*»⁸. А также «*стратегическим ключом к президентству Путина*»⁹.

В целом, следует сказать, что если на азиатском направлении эта перспектива продвигается, хотя и медленно, то на западном она не сдвинулась с места: к трудностям Москвы поддерживать отношения с Украиной, раздираемой различными «*послушаниями*», добавились параллельные трудности рейнской оси по втягиванию всего ЕС в перспективу прагматичных отношений с Россией, усугубляемые раскалывающей деятельностью американских администраций. Перспектива создания своего рода российско-европейского «*кондоминиума*» была задушена войной, превратившись в кровавый раздел. Однако именно из США в 2014 году звучал предупреждающий голос Генри Киссинджера: «*не в наших интересах подталкивать [Путин] к тому, чтобы он ощущал себя находящимся в осаде; в таких случаях чувствуют необходимость показать всё то, на что способны*». Неуслышанное предупреждение.

Июль – август 2022 г.

1 – К. Маркс, Ф. Энгельс, Собрание сочинений. Изд. 2-е, т. 25, ч. II, с. 354.

2 – Украинский кризис во всемирном балансе, нарушенном Китаем // Бюллетень «Интернационалист». № 38. Январь 2005 (перевод исправлен).

3 – Европейская игра баланса в отношении Москвы и Пекина // «Пролетарский интернационализм». № 46. Июнь 2018.

4 – Кавказ и Балканы в зеркале расчётливой двойственности Москвы и Брюсселя // Бюллетень «Интернационалист». № 82. Сентябрь 2008 (перевод исправлен).

5 – Украина, Средний Восток и Африка испытывают ЕС в «европейском ближнем зарубежье» // Вестник «Интернационалист». № 18. Январь 2014 (перевод исправлен).

6 – Украинский кризис заставляет Берлин раскрыться // Вестник «Интернационалист». № 20. Март 2014 (перевод исправлен).

7 – Украинская война и европейские темпы // «Пролетарский интернационализм». № 94. Июнь 2022.

8 – Новый Евразийский Союз Владимира Путина // Бюллетень «Интернационалист». № 120. Ноябрь 2011.

9 – Стратегический ключ к президентству Путина // Бюллетень «Интернационалист». № 127. Июнь 2012.

Российские хроники

Стратегический цугцванг

В сентябрьско-октябрьском номере журнала "Россия в глобальной политике" председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) Сергей Караганов, отмечая в этом месяце семидесятилетие, публикует очередную программную статью "От не-Запада к Мировому большинству", в которой констатирует: «Период, когда Россия пыталась встроиться в международный порядок, созданный в основном Западом, завершён. Лучшее бы это случилось раньше». На его взгляд это очевидная мысль, но она ещё не в полной мере осознана «российской элитой – экономической, интеллектуальной, да и частью политической».

К идее постепенного разрыва с Европой он подводил российский правящий класс как минимум десять лет. Именно тогда была написана статья "Вперёд в Азию: новые возможности роста для России": «Уже на протяжении по крайней мере шести-семи лет меня изумляет неспособность и нежелание России опереться на то, что выросло у неё под боком. Я имею в виду огромные возможности, открывающиеся в Азии. Здесь вокруг Китая и Индии поднимается великая цивилизация. Не меньшая, чем европейская» (Forbes, 21.03.2012). Тогда же Владимир Путин в своей программной предвыборной статье "Россия и меняющийся мир" заявил о «шансе поймать китайский ветер в паруса российской экономики» ("Московские новости", 27.02.2012).

Ставка на жёсткую силу

К февралю этого года в Кремле, судя по всему, созрело ощущение, что противостояние с коллективным Западом идёт не так, как хотелось бы, и там решили перевернуть стол.

Бывший руководитель бывшего Московского центра Карнеги Дмитрий Тренин считает, что накопившиеся за восемь лет изменения в отношениях между Москвой и Западом вышли на качественно иной уровень: «[...] период с февраля 2014 по февраль 2022 гг. можно описать как конфронтацию, противостояние преимущественно между Россией и США, а с февраля 2022 г. можно говорить о противоборстве между РФ и уже коллективным Западом во главе с США». При этом он уточняет: «[...] передел геополитического пространства бывшего СССР ещё далеко не закончен. Военная сила будет играть в этом процессе существенную роль. [...] миропорядок определяется не правовыми положениями, а силовыми реалиями. [...] именно миропорядок и является сейчас главным предметом конфронтации между США и КНР в "гибридной войны" между Россией и Западом» (РСМД, 28.06.2022).

Председатель Президиума СВОП Фёдор Лукьянов утверждает, что «прежняя система перестала работать. [...] Мир находится в опасной фазе», поэтому российским империализмом «ставка делается на силовое достижение целей» ("Россия в глобальной политике", 10.08.2022). В другой статье он поясняет: «Что касается российской мягкой силы, мы понимаем, что это не сильная сторона России и мало когда была. [...] Россия опирается на силу жёсткую [...] это то, чем она умеет оперировать» ("Россия в глобальной политике", 15.08.2022).

Посыл понятен, а дальше? Какова стратегия Кремля? По всей видимости, ничего конкретного, «война план покажет». Тот же Лукьянов без всяких экивоков заявляет: «[...] я не вижу никакого международного порядка XXI века, если понимать под порядком прямое значение этого слова, то есть упорядоченность. [...] Международная конструкция как что-то фиксированное тоже не факт, что возникнет, а если возникнет, то после серьёзных потрясений. Я бы сказал, что более вероятна ситуация с установлением хаоса, присущего международным отношениям на протяжении большей части их истории, анархии как ор-

ганизирующего принципа достаточно произвольного взаимодействия разных акторов, в процессе взаимодействия которых что-то такое ситуативное возникает, а потом разрушается» ("Россия в глобальной политике", 27.06.2022).

Такое прекрасное будущее видится из окон Кремля, и именно за него отправляют умирать наших товарищей по классу.

Сложные вопросы

Впрочем, у правящего класса нет полного понимания, а что же дальше. Так, член СВОП, РСМД и Императорского Православного Палестинского Общества Михаил Маргелов отмечает, что «уже несколько месяцев отечественный политический класс пребывает в "состоянии позитивного эмоционального ожидания"». Маргелов пытается прервать эту коллективную эйфорию, ставя целый ряд сложных вопросов: «[...] сегодня, когда мы обнаружили себя на пепелище прежнего миропорядка и прежней схемы отношений с международными "партнёрами", у нас по-прежнему нет ответа на вопрос: что придёт ему на смену?»

Далее он обращается к понятиям, которыми оперируют пропагандисты Кремля, рисуя контуры того миропорядка, который они бы хотели.

«Принцип равноправия». Замечательно, но как быть с тем, что «страны не-Запада, как и страны коллективного Запада, неравны между собой по своим ресурсно-экономическим и военно-стратегическим возможностям?»

«Что такое справедливость в мировой политике и возможна ли она в принципе? Как справедливо трактовать, а тем более реализовывать базовые принципы международного права, включая право народов на самоопределение, право государств на защиту своей территориальной целостности? Например, имеет ли зафиксированное в Хартии европейской безопасности требование «не укреплять свою безопасность за счёт безопасности других государств» общее прочтение для Москвы, Киева и Брюсселя? Наш ленинсткий анализ ещё в 1982 году ответил на этот вопрос: два «принципа буржуазной теории государства» – национальный суверенитет и самоопределение народов – находятся в конфликте и могут быть примирены исключительно «за счёт» тех, кто не имеет малейшей силы «для того, чтобы отстаивать их»¹. Наиболее слабой стороной в данном треугольнике является Киев. Дело идёт к империалистическому разделу Украины?

«Устойчивость». В данном случае Маргелов приводит в пример предыдущий период "мирной" мультиполярности, «продолжавшийся ровно двадцать лет, с 1919-го по 1939 год»: «Вспоминаются слова маршала Фоша, сказанные после подписания комьеньского мирного соглашения: "Это не мир. Это перемирие лет на 20"». Он не даёт ответа на то, как избежать нового 1939 года, ограничиваясь выбором из двух зол: «С точки зрения сбережения человеческих жизней принцип "анархия – мать миропорядка" (при всей кажущейся экстравагантности этой формулы) мог бы дать более гуманный результат, чем наспех сколоченная конструкция, идеалистическая и циничная одновременно» (РСМД, 25.08.2022). Мы, ленинсты, оставляем буржуазии поиск квадратуры круга, зная что любой империалистический мир – это всего лишь "передышка" между войнами².

Туманная идея

Вступая в конфронтацию с Западом, российский империализм ищет точки опоры и видит их в западном мире, где, как пишет Ф. Лукьянов, «нежелание присоединяться к западной политике объясняется не симпатиями к России, а антипатией к Западу. Из

чего может произрасти и более пророссийской настрой» ("Профиль", 01.07.2022).

М. Маргелов сомневается в реализуемости данного выбора, поскольку «все крупные игроки, с которыми Россия могла бы развивать сотрудничество в рамках соответствующей парадигмы, тесно встроены в западнцентричную модель торгово-экономических отношений и являются её бенефициарами. Некоторые, как Индия и КСА, и в военном плане тесно взаимодействуют с США и их союзниками». Кроме того, и сам «не-Запад не лишён серьёзных межгосударственных противоречий», достаточно задуматься о том, что «Китай находится в состоянии замороженного конфликта с Индией и рядом соседних азиатских стран». И самое главное, «собственные интересы геополитического характера для стран не-Запада важнее принципиальных моментов противостояния гегемонии США, на чём настаивает Россия. Более того, для некоторых из них, например, Индии или Саудовской Аравии, сотрудничество с США остаётся инструментом укрепления собственной безопасности».

В этой связи, «сама формулируемая идея "ухода России от Запада и поворота на Восток и на Юг" выглядит довольно туманно, вызывая больше вопросов, нежели формируя ясный ориентир для международного развития страны и для движения российской дипломатии».

Следовательно, повернуться к Западу «спиной не получится», попытки создать новый миропорядок неизбежно будут сопровождаться планетарной конкуренцией с гораздо более сильным и, следовательно, притягательным Западом. Реально ли, опираясь на ограниченные ресурсы, «задаваться целью полностью вытеснить Запад из этих регионов [...] Захотят ли этого сами страны не-Запада?» Какую альтернативную модель мироустройства Кремль может предложить не-Западу?

Ввязываясь в это сражение, «Россия, с учётом ограниченности ресурсов, может быть поставлена перед выбором, который, с учётом уже не просто теоретически возможной, а нарастающей технологической и экономической зависимости от Пекина, будет продиктован не прагматизмом, а внешним давлением» (Цит. соч.).

Взгляд из Китая

Москва утверждает, что у неё стратегическое партнёрство с Пекином, но оттуда всё отчётливее слышны голоса сомневающихся в правильности сделанного Кремлём выбора.

Профессор Шанхайского университета международных исследований Хуан Цзин пишет: «По мнению китайских стратегов, президенту России Владимиру Путину не следовало начинать массивную военную акцию. [...] российско-украинский конфликт, похоже, подтвердил мнение о том, что Россия является негативным фактором в мировой политике, поддерживая свой имидж и влияя великой державы только за счёт демонстрации колоссального разрушительного потенциала. [...] Устойчивое развитие Китая требует мира и процветания во всём мире, и не в его интересах укреплять отношения с Россией в ущерб отношениям с США и Европой» ("Россия в глобальной политике", 20.07.2022).

Профессор Института международных исследований Фуданьского университета Чжао Хуашэн напоминает Кремлю: «В 2021 г. торговля Китая с ЕС выросла на 19 % до 820 млрд долл., а торговля с США – на 20 % до более 750 млрд долл. На долю ЕС и США приходится более 25 % внешней торговли Китая. Кроме того, Китай, Соединённые Штаты и ЕС вкладывают огромные инвестиции друг друга. [...] китайские финансовые учреждения и крупные компании не могут это игнорировать». Пекин далеко не удовлетворён нынешним мировым порядком, но продол-

жает извлекать из него выгоду, поэтому «Китай хочет развивать китайско-российские отношения, но также не хочет дальнейшего ухудшения китайско-американских отношений» (РСМД, 23.06.2022).

Декан и профессор Школы международных и региональных исследований Восточно-Китайского педагогического университета Фэн Шаолей обращается к рассуждениям директора Европейского совета по международным отношениям Марка Леонарда о том, что «в долгосрочной перспективе после нынешнего конфликта Европа может найти гибкий и разнообразный многосторонний формат для урегулирования своих отношений с крупными державами, в том числе с Россией и Турцией. Поэтому европейский порядок может стать более "азиатским". А поскольку США продолжают смещать своё внимание на Индо-Тихоокеанский регион и укреплять здесь свои альянсы, Азия будет двигаться дальше в направлении "европеизации"». В этих условиях, пишет он, «азиатские страны, включая Китай, по-прежнему выбирают дальнейший путь сотрудничества на запад через глубину евразийского континента, в том числе через Россию» (Международный дискуссионный клуб Валдай, 26.08.2022).

На чьей стороне фактор времени?

В мартовской статье, рассматривая рассуждения идеологов российского правящего класса, мы пытались понять, чего же было больше в выборе Кремля, расчёта или фивольности? Не давая однозначного ответа, мы склонялись ко второму варианту. По прошествии полугода можно с большей уверенностью говорить о стратегической ошибке Кремля?

На что российский империализм может сегодня рассчитывать для хотя бы частичного достижения своих целей? В первую очередь, на усталость Запада и его низкий болевой порог. «Усталость появилась не потому что меняется отношение к конфликту, а потому что накапливаются другие проблемы, прежде всего внутренние: инфляция, опасность новой рецессии, безработица. Нельзя поддерживать одну проблему в центре внимания бесконечно долго. Это означает, что рано или поздно приоритеты будут смещаться», – рассуждает генеральный директор РСМД Андрей Кортунов.

На Западе несомненно учитывают этот аспект. Так, по мнению директора Института международных отношений в Риме Натали Точчи, «Путин, безусловно, считает, что стойкость заключается только в выносливости к боли и что либеральные демократии – в первую очередь западноевропейские – просто слишком слабы с точки зрения лидерства и не в состоянии победить Путина в игре на "ожидание". Европейцы, напротив, показали, что они верят, что стойкость заключается не только в способности к сопротивлению боли, но и в способности адаптироваться, реагировать и восстанавливаться после кризиса» (Foreign Affairs, 07.08.2022).

Время способно вызвать эрозию в рядах Запада, но оно, наряду с санкциями, уже бьёт и по без того ограниченному промышленному аппарату Кремля, изнашивается и жёсткая сила. Оставим буржуазии поиск решения из сложившегося цугцванга. Пролетариату же – украинскому, российскому, европейскому – следует помнить, что в этом кризисе, как и во всех предыдущих, главная тяжесть ложится на наши плечи. Выход из империалистического варварства лежит через борьбу за укоренение революционного меньшинства.

Сентябрь 2022 г.

1 – Арриго Черветто. Всемирное противостояние. СПб: АНО "ЦМИ «Новый Прометей», 2019. С. 161.

2 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 27. С. 417.

Хроники Шелкового пути

Предупредительные выстрелы в Тайваньском проливе

Каждое новое лето империализма становится всё жарче. Температура в отношениях между державами повышается, а её регулятором выступает переплетение экономических, политических и военных циклов, которые марксизм научно измеряет уже более 170 лет. Китайский империализм и беспрецедентное изменение глобального баланса сил рано или поздно должны были перегреть в том числе и воды Тайваньского пролива, одного из нервных центров новой стратегической фазы. Тем не менее, невозможно было предсказать тучи, вызванные визитом Нэнси Пелоси в Тайбэй, – это «политический случай», требующий специального анализа.

В *Washington Post* от 4 августа высказывается мнение, что инициатива спикера Палаты представителей была «несвоевременной», и это вынудило администрацию Байдена импровизировать. Ёмкая оценка *The Economist* констатирует «стратегическое замешательство» в Вашингтоне. Лучио Караччола на страницах *La Stampa* прослеживает в Америке «две линии в отношении Китая» и предупреждает: «Войны начинаются по решению. Они случаются». *The Hindu* также утверждает, что «четвёртого кризиса в проливе» можно было избежать.

Политический случай и множественные импульсы

Томас Фридман яростно критикует «легкомысленность» «безрассудного, опасного, безответственного» шага калифорнийского политика-демократа. *New York Times* от 5 августа также оспаривает возможные электоральные расчёты, отмечая энтузиазм китайско-калифорнийской мелкой буржуазии, но в то же время опасаясь, что Пелоси «раздувает антикитайские настроения». Китайский квартал в Сан-Франциско, самый большой и старейший в Америке, поддерживал Тайвань с 1950-х до начала 1990-х годов, «но сегодня в гораздо большей степени связан с материковым Китаем из-за миграционных тенденций, растущей мощи и влияния Китая в мире». По мнению *The Economist*, спикер хотела увенчать своё политическое наследие внесением «моральной ясности» в историческую «стратегическую двусмысленность» Америки в

отношении Тайваня, но в итоге лишь усугубила путаницу.

Парадоксально, но Пелоси пользуется поддержкой консерваторов. *Wall Street Journal* желает видеть «ускоренный порядок» принятия решений от Конгресса и торговое соглашение с Тайванем. Согласно тезису Уолтера Рассела Мида, Пелоси укрепляет двухпартийный консенсус, по крайней мере, в отношении военных расходов: здесь лобби исторически влияют на отношения с Пекином и Тайбэем. С этим соглашается Чжан Тэнцзюнь, аналитик Пекинского института международных исследований (CIS) и автор книги «Комитеты Конгресса и американские решения в отношении Китая» (Пекин, 2020). Чжан, однако, видит большую дифференциацию внутри демократов, несмотря на то, что пакеты промышленной политики и Закон о чипах, одобренные Джо Байденом в те же дни, пользуются широкой поддержкой. Более того, Пелоси также получила телевизионную поддержку Ньюта Гингрича, бывшего спикера Палаты представителей от республиканцев, который посетил Тайбэй в 1997 году.

Игра баланса между Россией и Китаем?

Редакционная статья в *New York Times* от 6 августа является политическим актом, особенно если принять во внимание послужной список последних нескольких месяцев: «приоритетом», пишет руководство газеты, должен был стать украинский кризис, но «тайваньская помеха только усложняет задачу убедить Китай ограничить поддержку России». По мнению издания, рассмотрение Китая в качестве враждебной державы – «контрпродуктивное упущение». Байден отказался от сценария риторике Дональда Трампа, «но не предложил собственного видения того, как найти баланс между конкуренцией и сотрудничеством». Что касается Тайваня, «стратегическая двусмысленность» Америки заключалась в продаже ему оружия без каких-либо обязательств в сфере безопасности, однако Белый дом должен «разъяснить», что политика «одного Китая», признания единства китайского государства, «всегда основывалась на мирном поведении континентального Китая по отношению к Тайваню». Вспомним в этом контексте Билла Клинтон и Цзян Цзэмина.

Пентагон и Белый дом публично отговаривали от визита на Тайвань, а в частном порядке, если верить запискам, это делала вся команда администрации Байдена по вопросам национальной безопасности. *Le Monde* отмечает, что поездка Пелоси состоялась в то время, когда война в Украине и «геополитическое танго», в котором закружились Пекин и Москва, побуждают американцев «пойти на определённые уступки» Китаю. По мнению Лу Сяна из Китайской академии общественных наук, США и Китай «вероятно, близки к соглашению по тарифным вопросам». Чарльз Капчан, бывший сотрудник СНБ Клинтон и Обамы, полагает, что Пелоси таким образом неконструктивно пошатнула «стабильную нестабильность», как раз тогда, когда США должны были вовлечь Китай во взаимодействие по «глобальным вопросам».

«Две руки» и камень

Возможно, признаком принятия сигнала является то, что ещё 8 августа китайский реалист Чжао Минхао подчеркнул «огромное значение» июльских переговоров между Байденом и Си

Цзиньпином. Чжэн Юннэнь, известный политолог из Шэньчжэня, предупредил об «иррациональности» США и неспособности их «равновесия властей» её уравновесить. Да Вэй из Университета Цинхуа диагностировал ущерб, нанесённый переговорному авторитету американского президента.

Пелоси отправилась в азиатское турне, ссылаясь на Закон об отношениях с Тайванем 1979 года, пишет *Washington Post*. Она напомнила, что всего через несколько месяцев после подписания «Второго коммюнике», на основании которого Пекин и Вашингтон установили дипломатические отношения, Конгресс уже принимал закон о поставках оружия Тайваню – с точки зрения Пекина, в нарушение данного документа. Таким образом, роль законодательной власти закономерна и оправдана. В 1982 году потребовалось и «Третье коммюнике», самое «двусмысленное» из трёх, по словам Генри Киссинджера, который ещё в 1980 году успокаивал китайскую сторону от имени Рональда Рейгана, оправдывая симпатии к Тайваню личными связями бывшего губернатора Калифорнии («О Китае»).

Китайский посол Цинь Ган дал свой ответ в этой же газете, проведя различие между консенсусом вокруг концепции «одного Китая», «нарушенным и подорванным» Законом об отношениях с Тайванем, но «являющимся частью послевоенного международного порядка», и позицией «некоторых американских политиков». Он также призвал к скорейшему китайско-американскому сотрудничеству перед лицом украинского конфликта. Предложение актуально, но в данный момент сметено с пути развитием кризиса. По мнению Ван Вэня из Института Чунъян, вылазка Пелоси в любом случае полезна для давления на азиатских союзников, не готовых бросать вызов Китаю, точно так же как использование украинской войны служит для того, чтобы отдалить Европу от России. И всё же по сути США бросили «камень» и спрятали руку за спину. Независимо от того, существовали ли расхождения между Байденом и Пелоси на этой почве, Пекин воспользовался моментом для целенаправленной демонстрации силы.

Проба воздушной и морской блокады

В 1997 году визит Гингрича в Тайбэй последовал за кризисом, вызванным визитом президента Тайваня Ли Дэньхуэя в США и отправкой американцами двух авианосцев в Тайваньский пролив в условиях проведения масштабных военных учений со стороны Китая. Так, по мнению *South China Morning Post*, в период оживления китайско-американских отношений Гингрич посетил Шанхай, Пекин, а затем Тайбэй через Токио в рамках «компромисса», достигнутого с Пекином. Он подтвердил – в личном качестве, по словам Белого дома, – намерение США защищать Тайвань от китайской агрессии, но в то же время отметил: Китай дал понять, что «не намерен нападать» (*New York Times*, 31.03.1997).

Что касается идущих сейчас военных учений, то они демонстрируют новое соотношение сил. НОАК провела учения с боевой стрельбой в шести районах вокруг острова, вдоль наиболее оживлённых маршрутов и в территориальных водах, установив фактическую воздушную и морскую блокаду, а также запустив ракеты, в том числе баллистические, как над островом, так и в водах «исключительной экономической зоны» Японии, у

базы Окинава. Стоит обратить внимание на отказ Вашингтона отправить авианосец «Рональд Рейган» из Филиппинского моря к проливам и отмену уже запланированных испытаний межконтинентальных баллистических ракет США. В прочтении *Global Times* от 5 августа это означает «отступление». Однако, глядя друг другу в глаза, ни Китай, ни США не стремились к эскалации.

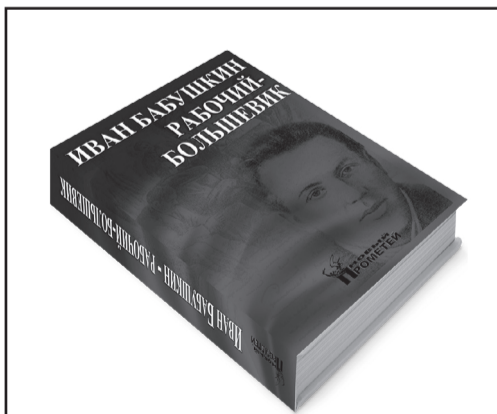
The Economist считает, что ответ Китая был «энергичным, но выверенным»; по мнению К. Накадзавы из *Nikkei*, «демонстрацией силы, но сдержанной». Харш Пант, вице-директор Observer Research Foundation в Нью-Дели, отмечает в *Hindustan Times*, что «предупредительные выстрелы» Пекина были в то же самое время направлены на широкую азиатскую аудиторию, сигнализируя о «новой эре силовой мировой политики», которую Индия должна быстро принять: это новый акт «психологической войны» в Азии, направленный на то, чтобы показать миру, что Китай 2022 года – это не Китай 1996 года. Согласно китайским источникам, учения должны «стать обычным событием до момента воссоединения».

Ракеты и притяжение

В те же дни Пекин опубликовал Белую книгу «Тайваньский вопрос и воссоединение Китая в новую эпоху», третью после книг 1993 и 2000 годов: он выбрал момент кризиса в проливе, чтобы подтвердить принцип «одна страна, две системы» – политическое предложение, сформулированное Чжоу Эньлаем для воссоединения с Тайванем с сохранением его политической системы в долгосрочной перспективе. Таким образом, остров остаётся фундаментальным политическим резервом для того, чтобы однажды вернуть в Китай структуру власти, разработанную Сунь Ятсеном, остаётся путеводной нитью для другого варианта империалистической демократии в Китае.

Немецкая пресса сразу же отметила отсутствие в документе декларации обязательства Китая «не посылать войска или административный персонал» на Тайвань после воссоединения, которое содержалось в предыдущих версиях. По всей вероятности, это последствие гонконгской «революции зонтиков», интерпретируемой противоположными способами: в Пекине события позиционируются как «восстановление» принципа «одна страна, две системы», подтвердившее первую его часть; на Западе – как его «эрозия». Новый текст подтверждает приглашение Тайбэя к переговорам «на равных» и использование силы только в качестве «последнего выбора», одновременно говоря об усилении сдерживания внешних или сепаратистских сил. Тем не менее, главный аспект пересмотра касается доступа к «обширному китайскому рынку». Здесь акцент делается на возросшей силе притяжения китайского империализма, а не только и не столько на отталкивание и сдерживание. Китай создаст «пилотную зону интегрированного развития берегов Тайваньского пролива» в Фуцзяне, намечает «активные шаги по институционализации экономического сотрудничества берегов пролива и созданию общего рынка», будет поддерживать участие тайваньских компаний в Шёлковом пути и «крупномасштабных стратегиях регионального развития», продвигаемых Китаем. Империалистическое развитие также является оружием.

Июль – август 2022 г.

ИВАН БАБУШКИН РАБОЧИЙ-БОЛЬШЕВИК

2010, 204 страницы,
мягкий переплёт.
6 карт и 11 иллюстраций по тексту;
хронология,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN 978-5-9901606-5-1

Цена 150 руб.

Гиганты Азии: дилеммы китайского однопартийного плюрализма

Дилеммы империалистической демократии в Китае

Из предисловия к готовящейся к изданию на итальянском языке книги Джулио Мотози *“Democrazia imperialista in Cina”*.

Концепция политической закономерности заложена в марксистской теории государства.

В своём письме Иосифу Вейдемейеру от 5 марта 1852 года Карл Маркс обобщает свою критику теории американской исключительности Генри Чарльза Кэри – «единственного значительного североамериканского экономиста». Кэри нападает на Давида Рикардо и лидеров европейской политической экономии за то, что они доказывают, «что экономические основы существования различных классов порождают неизбежный и постоянно растущий антагонизм между ними»; он хочет опровергнуть их, пытаясь показать, «что экономические условия – рента (земельная собственность), прибыль (капитал) и заработная плата (наёмный труд) – представляют собой условия ассоциации и гармонии, а отнюдь не борьбы и антагонизма»¹.

В своих экономических трудах Маркс углубит анализ исторических основ американской политической культуры, прослеживая её путь к условиям быстрого, удивительного и счастливого капиталистического развития на девственных и не имеющих истории землях Нового света, которые для гармонизатора Кэри являются нормальными и вечными условиями.

В другом отрывке письма, касаясь французских «исторических работ» по «истории классов» и «главного произведения»² Рикардо по политической экономии, которые критикует Кэри, Маркс вместо этого пишет: «Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты – экономическую анатомию классов»³. Чуть выше Маркс цитировал французских историков Жака-Николя-Огюстена Тьерри и Франсуа Гизо. Он продолжает: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определёнными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведёт к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов»⁴.

Исторические основы американской политической психологии описаны в тексте 1857 года «Бастиа и Кэри»: «Всеобщность у Кэри – это универсализм янки. Ему одинаково близки Франция и Китай»⁵, – то есть одинаково чужды. – «[Он] принадлежит к такой стране, где буржуазное общество развивалось не на основе феодализма, а начинало с самого себя; где оно выступает не как переживший старое общество результат некоторого стародавнего движения, а как исходный пункт некоторого нового движения; где государство, в отличие от всех прежних национальных образований, с самого начала было подчинено буржуазному обществу, буржуазному производству и где оно никогда не могло предъявлять претензий на то, чтобы быть самоце-

лю; где само буржуазное общество, соединяя в себе производительные силы Старого света с огромными природными богатствами Нового света, развилось в неслыханных до сих пор размерах и с невиданной до сих пор свободой движения; где оно далеко превзошло всю проделанную до сих пор работу по овладению силами природы и где, наконец, антагонизмы самого буржуазного общества выступают всего лишь как мимолётные моменты»⁶.

В своём письме к Энгельсу от 27 июля 1854 года Маркс кратко описывает, что его «очень заинтересовала книга [...] “История происхождения и успехов третьего сословия” [Тьерри], отца “классовой борьбы” во французской историографии»⁷. Отсюда проистекает черта подъёма французской буржуазии в её отношении к государству: «Очень недурно изложено, хотя без соответствующих обобщений: 1) Как сразу же, по крайней мере с момента возвышения городов, французская буржуазия становится особенно влиятельной благодаря тому, что организуется в виде парламентов, бюрократии и т. д., а не так, как в Англии, благодаря одной торговле и промышленности [...]. 2) каким образом происходит возвышение класса, в то время как различные формы, в которых в разное время сосредоточивается его центр тяжести, и различные части класса, приобретающие влияние благодаря этим формам, гибнут».

Французский историк с диалектическим богатством обрисовывает «последовательный ряд метаморфоз»⁸ вплоть до господства буржуазного класса. Это ход классовой борьбы, который имеет ряд аналогий с последовательными волнами формирования буржуазного государства в Китае, где он, правда, будет усугубляться тем, что утвердится уже на империалистической фазе капитализма, а также осложняться комбинацией различных темпов классового развития в провинциях в масштабах целого континента. Эта комбинация, в свою очередь, будет в некотором роде представлять сходство с классами и государствами Европы XIX века.

В «Политической оболочке» Арриго Черветто возвращает в поле дискуссии открытия, которые Маркс изложил Вейдемейеру – «экономическую основу классов, необходимость перехода в результате классовой борьбы к диктатуре пролетариата и, посредством её, к преодолению всех классов и к обществу без классов»⁹, – указывая, что без всесторонней научной проработки экономической основы классов невозможно было бы продемонстрировать «закон движения общественной экономической формации», который проявляется в политической динамике и приводит именно к диктатуре пролетариата. Историческое развитие капиталистического производства детерминирует борьбу классов; закономерность экономических и социальных явлений определяет закономерность политических явлений; именно эта закономерность ведёт – в этом смысле неизбежно – к диктатуре пролетариата. В этом нет ничего фидеистического. Материалистическая и диалектическая концепция истории великолепно сочетается с самой энергичной практической борьбой. Действительно, Октябрь 1917 года стал грандиозной проверкой открытого Марксом закона рево-

люции, подтверждением того, что он является мировой, а не российской политической закономерностью, подчёркивал Ленин.

Та же концепция политической закономерности является основой для научного изучения политических форм буржуазной диктатуры, следовательно, для анализа того, как детерминируются и специфицируются политические формы в том числе и в Китае; для проведения аналогии и сравнения с другими формами, в которых исторически выражается господство буржуазии в Европе, Америке и даже СССР в масштабах континента; для выявления китайских особенностей, вариаций, градаций и т. д. Черветто пишет: «Марксизм – это наука, потому что она анализирует реальное движение и отражает его в абстракции. Его политические принципы – не идеальные субъективные представления, а обобщение реальных процессов взаимодействия между движением экономики и политики. Эти процессы приводят к повторяющимся явлениям, которые повторяются если не в своих формах, то по своей сути»¹⁰.

И он предупреждает: «То, что ясно для экономики, менее ясно для политики, в силу той сложности форм, которые она представляет»¹¹. Вот почему марксизм не перестаёт изучать политические формы в их становлении; революционеры непрерывно изучают государство. Когда Роберто Казелла напомнит об этих понятиях в предисловии к книге Ленина «Государство и революция», выпущенной итальянским издательством Lotta comunista в серии «Библиотека молодых», это будет означать изложение задач новых революционных поколений перед лицом появления империалистических государств больших континентальных размеров – европейского империализма (врага у себя дома, в Европе) и Китая среди гигантов Азии.

Для Европы теоретическая сторона этой интернационалистской борьбы изложена в книге Гуидо Ла Барберы 2006 года *“L’Europa e lo Stato”*, начиная с разработки теории империалистической демократии, с помощью которой Черветто интерпретирует и развивает ленинский тезис о реакционной демократии, и с решающей оценкой Ленина о том, что «Соединённые Штаты Европы, при капитализме, либо невозможны, либо реакционны», потому что это было бы соглашением о подавлении социализма в Европе и реакцией против Америки и новых азиатских держав: соглашение о «разделе мира»¹².

Для анализа же Китая обязательной отправной точкой являются две важные цитаты из «Политической оболочки», выделенные Казеллой: «Империалистическая демократия, с одной стороны, представляет собой централизацию небольшого числа крупных финансово-промышленных групп, с другой – плюрализм их политических воль, обусловленных динамикой интересов. Империалистическая демократия в конечном счёте представляет собой политическую централизацию плюрализма крупного капитала. Она является лучшей оболочкой для длительной и многосторонней борьбы за концентрацию»¹³. И ещё: «Демократия империалистической фазы в конечном счёте является максимальным политическим выражением экономического концентрации. Она выделяет основную черту современного государства: централизацию политической власти»¹⁴.

Мы много раз писали, что XX век – это век, в котором демократия становится реакционной: реакционным стал экономический базис капитализма, который приводит уже не к прогрессу и преодолению варварства, как на восходящей фазе, а к империалистическому развитию, порождающему войны и загнивание. Реакционная демократия утверждает себя как наилучшая оболочка капитализма, превратившегося в империализм. Диалектическая «замечательная формула», «гениальная концепция» Ленина о «реакционной демократии»¹⁵, будет проверена двумя мировыми войнами и эмпирически – распространением и утверждением демократической формы в длительный послевоенный период. На первый взгляд, Китай будет единственным исключением среди великих держав нового века, «если рассматривать [лишь] формы политической борьбы». Но это не так «по своему объективному содержанию», указывает Казелла в своей работе 2012 года *“Il secolo dei Giganti dell’Asia”*, поскольку даже внутри китайской оболочки централизован плюрализм воле крупных государственных и частных групп и ключевых фракций китайской буржуазии, что мы определили как плюрализм мандаринов, который перерос в империалистический плюрализм, типичный для всех метрополий по крайней мере по своему классовому содержанию, если не по своим всё более интернационализирующимся юридическим и правовым формам.

Отсюда плюрализм групп и фракций и централизация плюрализма их политических воль в государстве, но в рамках одной партии, связанной с государственной машиной, и в любом случае в конкретных формах этого институционального устройства, унаследованного от цикла государственного капитализма и под влиянием надстроечных пережитков тысячелетней истории, столкнувшейся с капитализмом через систему государств иностранных держав.

Восхождение Дракона ставит под вопрос специфический анализ форм политической власти, который представляет собой анализ «вариаций и отклонений от феномена политической власти в чистом виде», «вариаций политической власти с типичным для неё диктаторским характером»¹⁶.

Июль – август 2022 г.

- 1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 28. С. 423.
- 2 – Там же. С. 424.
- 3 – Там же. С. 424–427.
- 4 – Там же. С. 427.
- 5 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. I. С. 23.
- 6 – Там же. С. 20.
- 7 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 28. С. 321.
- 8 – Там же. С. 322.
- 9 – Черветто А. Политическая оболочка. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2010. С. 27.
- 10 – Там же. С. 27–28.
- 11 – Там же. С. 28.
- 12 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 26. С. 352.
- 13 – Черветто А. Указ. соч. С. 89 (перевод исправлен).
- 14 – Там же. С. 92 (перевод исправлен).
- 15 – Там же. С. 122.
- 16 – Там же. С. 7.

Мировое сражение в автопроме

От Детройта к индустрии 4.0

Из предисловия к книге Франко Палумберу *“L'automobile e la sfida elettrica. Guerre, crisi e battaglie dell'auto nel nuovo secolo”* (Lotta Comunista, 2022).

Причины, которые привели компанию General Motors (GM) к успеху, через некоторое время стали и источниками её упадка. Преемники Альфреда Слоуна не смогли продолжить его дело: сосредоточившись на контроле издержек, они вытеснили с руководящих постов инженеров, специализировавшихся на продуктах, и маркетологов, знавших рынок.

Кризис в Детройте

С 1958 года руководство General Motors всегда набиралось из финансистов – счетоводов (number men), набравшихся из числа выпускников лучших университетов США. Их жизненный опыт был связан исключительно с символическим, искусственным миром цифр: это были люди, которые не знали ни как работает двигатель, ни как производится и продается автомобиль, ни как можно наслаждаться вождением или созерцанием этого объекта. Для счетоводов капитал стал фетишем, которому нужно поклоняться и отправлять ежедневный ритуал. Начав поклоняться этому фетишу, GM утратила способность понимать рынок, состоящий из реальных людей со всеми их переживаниями, эмоциями, ценностями, фобиями, странностями, вкусами, образом жизни, которые невозможно заложить в алгоритмы.

Менеджеры General Motors и представить себе не могли, чтобы американец решился купить Mercedes вместо Cadillac, BMW вместо Lincoln, Honda вместо Buick. Они были очень высокомерны, но при этом очень наивны в своём представлении, что смогут навязать свою продукцию и свой образ жизни всему миру. Одержимые успехом прошлого, менеджеры GM утратили восприятие настоящего, и это послужило предпосылкой кризиса и упадка Детройта. Пришло время японцев.

Японский “канбан”

В послевоенный период японские производители не стали механически копировать американскую систему, а разработали собственную систему канбан. Первоочередной задачей организаторов автомобильного производства является синхронизация поставок материалов и комплектующих на конвейер. Если мы учтём, что автомобиль состоит из более чем 20 тыс. деталей, то получим представление об огромной логистической сложности, которая является фундаментальной характеристикой автомобильной промышленности.

Генри Форд и его менеджеры решали проблему, накапливая огромное количество запасов каждого компонента, чтобы постоянно пополнять цепочку. Высокая стоимость финансирования таких запасов компенсировалась падением удельных издержек на основной капитал. Эта система, представляющая собой качественный скачок по сравнению с предыдущими, эффективна только при больших объёмах производства (эффект масштаба). Инновация, представленная Тойота в 1948 году, полностью изменила эту фундаментальную технику управления запасами. Этого не поняли ослеплённые высокомерию детройтские производители, считающие, что им не нужно ни у кого учиться и что они лучшие.

Если в американской системе всю цепочку, которая должна непрерывно двигаться с максимально возможной скоростью, “подталкивают” запасы, то в японской системе цепочку “тянут” компоненты, имеющиеся в определённом количестве. Это так называемая система “just in time”: в ней синхронизация зависит от скорости движения цепочки, которая, в свою очередь, регулируется интен-

сивностью потока поставок компонентов, что резко сокращает запасы. Идея была гениальной в своей простоте, поскольку устраняла все завалы и в теории предполагала, что все запасы можно свести к одной единице, что резко снижало потребность в оборотном капитале.

Стратегия платформ

Интернационализация рынка продвинула способы производства ещё на шаг вперёд благодаря стратегии платформ, применяемой в рамках как одной группы, так и международных совместных предприятий. Эта стратегия позволяет увеличить количество моделей, воспользовавшись эффектом масштаба: всё, что остаётся невидимым – шасси и трансмиссия, на которые приходится две трети стоимости автомобиля, – стандартизовано; всё, что видно – салон и кузов, на которые приходится треть стоимости, – дифференцировано. Тот, кто выбирает Volkswagen, Audi, Skoda или Seat, покупает одну и ту же конструкцию, но в обёртке разных брендов (“марок”, “подписей”). Это проявление влияния социальной психологии, сравнимое с процессом, ведущим к покупке костюма от Armani, Versace, Cavalli, Valentino или джинсов Diesel или Levi’s.

Идентичность бренда так же важна для завоевания новой доли рынка, как и снижение затрат: она символизирует социальный статус и психологическую проекцию индивида. Самая большая трудность, которую приходится преодолевать автопроизводителям, заключается в необходимости примирить непостоянство вкусов потребителей и преходящий характер моды со сложностью инженерных и производственных процессов.

Создание совместных предприятий позволяет сочетать защиту идентичности бренда с экономией за счёт масштаба на платформах, компонентах, затратах на проектирование, маркетинге и дистрибуции; это требует руководителей с политическими качествами, способных заставить группы людей с разными культурами, национальными идентичностями, менталитетом, техническими и организаторскими способностями работать вместе.

На основе использования общих платформ возникла международная сеть альянсов между производителями, которые в то же время конкурируют друг с другом. Volkswagen и другие производители распространили стратегию платформ на Китай через совместные предприятия, создание которых стало возможным благодаря реформам, начатым после окончания эпохи маоизма и позволившим Китаю получить доступ к западным технологиям, сохранив при этом политическую независимость. Во всех странах автопроизводителям необходимо учитывать политический аспект: одних только управленческих возможностей недостаточно; руководители автомобильных компаний также должны знать, как вести переговоры с правительствами государств, в которых они размещают свои предприятия.

Существует важная связь между рынками Атлантики и Азии: совместные предприятия с китайскими компаниями не только позволяют выйти на гигантский рынок Поднебесной, но и снижают издержки в Европе, США и Японии, поскольку позволяют добиться значительной экономии за счёт масштаба на всём, что находится под крылом компании. Стратегия платформ сочетает в себе экономию за счёт масштаба и стандартизации, характерных для фордизма, с дифференциацией моделей, характерной для слоанизма.

Электромобиль и неопределённость будущего

Вовлечение миллиардов людей в капиталистическое развитие поставило перед автомобильной промышленностью серьёзный вопрос: какими будут геополити-

ческие последствия потребления нефти, когда миллиард транспортных средств, курсирующих в настоящее время по дорогам мира, увеличится в два или три раза? Независимо от соображений по поводу изменения климата, энергетическая связь со странами-производителями нефти будет разорвана с переходом от двигателей внутреннего сгорания к электродвигателю. После энергетических кризисов 1970-х годов это соображение привело к тому, что был дан сильный импульс научным и технологическим исследованиям в области передовых аккумуляторов.

Электродвигатель – это сложный продукт, для разработки которого требуются как научные, так и практические ноу-хау, новые электрические, электронные, компьютерные и химические компоненты. Электромобили – это катализатор новых технологий, которые затронут всё общество. Решающую роль в определении стандартов, правил регулирования выбросов и безопасности, выделении субсидий и определении общего направления развития автомобильного сектора будет играть государство. Неизбежным будет шокирующее воздействие на рынок труда.

Индустрия 4.0

Электрификация автомобилей тесно связана с индустрией 4.0, то есть с цифровизацией всей цепочки создания стоимости от проектирования до производства, продаж и сервиса. Индустрия 4.0 является последней стадией эволюции производственных систем от ремесленничества к производству с разделением труда, тейлоризму, фордизму, слоанизму, канбан и стратегии платформ. А каждый переход от одной формы производства к другой влечёт за собой промышленные кризисы, концентрацию капитала и необходимость обучать наёмную рабочую силу новым навыкам.

По данным McKinsey, приведённым в статье *“Building the Vital Skills for the Future of Work in Operations”*, в Европе и Соединённых Штатах в течение следующего десятилетия спрос на физический и ручной труд в рамках повторяемых и предсказуемых задач снизится почти на 30 %, а спрос на труд, требующий базовых навыков чтения и счёта, – почти на 20 %: пострадают не только рабочие, но и служащие. В то же время спрос на технологические навыки (как для программирования, так и для взаимодействия с технологиями) вырастет более чем на 50 %, а потребность в сложных когнитивных навыках на треть. Мы будем свидетелями ситуации одновременного избытия и нехватки рабочей силы в зависимости от разницы в навыках.

Абстрактный и конкретный труд

В 1959 году Петер Друкер в своей работе *“Landmarks of Tomorrow”* впервые употребил термин «работник знаний». Как утверждает журнал *Forbes* от 10 декабря 2020 года, работник знаний – это то же самое, что и «белый воротничок» – термин, введённый в 1920-х годах писателем Элтоном Синклером (1878–1968) для обозначения офисного работника, а не рабочего за станком.

Как Друкер, так и Синклер пытались классифицировать работников на основе конкретного содержания их работы, а не социальных отношений, в которые они включены. Бюро переписи населения США фиксирует тысячи различных профессий, от инженера до водителя грузовика, токаря, складского рабочего, учителя и так далее. Поскольку каждая профессия представляет собой неразделимую смесь ручной и умственной деятельности, различить эти тысячи и более профессий по критерию того, кто является или не является «работником знаний», невозможно. Например, пишущая машинка и механический калькулятор, которые сегодня заменены компьютером, механизировали офисную работу: к чему её отнести? Компьютер, используемый в

качестве основного капитала, ничем не отличается от токарного или фрезерного станка: с точки зрения их отношения к капиталу нет никакой разницы между заводским и офисным работником.

В попытках классифицировать работников на основе специфики их производственного процесса, а не на основе социальных отношений, в которые они включены, кроется методологическая ошибка. До Галилея (1564–1642) и Ньютона (1643–1727) многие пытались объяснить падение тел на основе их материального содержания, то есть в зависимости от того, были ли они сделаны из дерева, железа или чего-то ещё. В процессе построения научной абстракции Галилей ввёл концепцию инерции, а Ньютон открыл закон всемирного тяготения – это научные абстракции, применимые ко всем, даже качественно различным, телам на Земле и во Вселенной.

А Маркс проводил различие между конкретным и абстрактным трудом. Конкретный труд, например, работа токаря, инженера или офисного работника сегодня, или труд крестьянина и ремесленника вчера, существовал во все времена и в любом человеческом обществе. При капитализме, где преобладает товарное производство (производство для нужд рынка), именно абстрактный труд без определённого конкретного содержания является источником стоимости, производства и воспроизводства капитала: «[Таким образом, рабочий] присоединяет [стоимость] своим трудом не поскольку последний есть труд прядения или столярный труд, а поскольку он – абстрактный, общественный труд вообще» (К. Маркс, “Капитал”, том первый)¹.

По мнению Маркса, «абстрактный труд» выходит за рамки своего материального содержания, будь то работа токаря, рабочего на конвейере, инженера-конструктора, учёного, программиста, точно так же, как закон падения тел описывает взаимодействие тел независимо от того, сделаны ли они из дерева, железа и т.д. Но материальное содержание труда и разница в заработной плате имеют значение при анализе расслоения среди наёмных работников.

Когда в интервью для портала IndustryWeek.com Друкера спросили о том, «что будет самым большим изменением в мире труда по мере того, как мы будем приближаться к веку знаний?», он ответил: «Нам нужна иерархия. Говорить о смерти иерархии бессмысленно». Он не указал, на службу кому именно поставлена иерархия, подчиняющая все формы наёмного труда. При управлении компанией менеджмент подчиняется совету директоров, который представляет интересы собственников, неважно, частных или государственных. Именно правление назначает и увольняет менеджеров. Наука, техника и организация, а также их воплощение в учёных, техниках и менеджерах, являются общественными производительными силами, подчинёнными капиталистическим производственным отношениям.

В “Экономических рукописях 1857–1859 годов” Маркс пишет: «[...] накопление знаний и навыков, накопление всеобщих производительных сил общественного мозга поглощается капиталом в противовес труду и поэтому выступает как свойство капитала»². По мере того, как промышленность всё больше движется к «всеобщему научному труду» и «технологическому применению естественных сил», класс капиталистов, владеющих средствами производства, и обмена, становится всё более бесполезным: «Капитал, таким образом, работает над разложением самого себя как формы, господствующей над производством»³.

Январь 2022 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 211.

2 – Там же. Т. 46. Ч. II. С. 205.

3 – Там же. С. 208.

Страницы истории рабочего движения

Лассаль и государство

I

Концепция государства Фердинанда Лассаля была вдохновлена идеализмом Фихте и Гегеля, хотя теоретическая глубина тезисов обоих философов часто сводится к интеллектуалистской позе их эпигонов.

Фихте и Пруссия

В «Замкнутом торговом государстве» (1800) Иоганн Готлиб Фихте отходит от оптики естественного права, отправной точкой которого является индивид как носитель неотъемлемых естественных прав. «Человек (как и все конечные существа вообще) только среди людей становится человеком»¹, – писал Фихте уже в «Основе естественного права» 1796–1797 годов. Таким образом, философ смещает акцент с личности на государство, и наряду с юридической функцией гаранта гражданских свобод фихтеанское государство несёт ответственность за защиту социальных прав, используя для этого политический аппарат вмешательства в экономику посредством планирования. Лассаль принимает эту концепцию как в её этическом и социальном измерении, так и в вопросе о единстве Германии.

В своей работе «Политическое завещание Фихте» (1860), где он ссылается на лекции философа о государстве 1813 года, Лассаль использует авторитет Фихте – «славное имя величайшего из немецких патриотов» – для позитивного освещения роли Пруссии в процессе объединения Германии, утверждая, что она призвана вести «народную», а не «династическую войну»: «Она и есть германское государство в собственном смысле слова, дух её истории, прожитой до сих пор, заставляет её идти вперёд к свободе, по пути империи».

Этот тезис – прямая противоположность суждению Маркса, которое он высказал в письме к Энгельсу от 24 марта 1863 года, что «гогенцоллернская вотчина» есть «создание, весьма отличное от Германии»². Лассаль апеллирует к Фихте, чтобы поддержать прусский малогерманский путь объединения Германии против великогерманского решения этого вопроса под руководством Австрии, о которой он говорит следующее: «Италия, Нидерланды, её провинции, оглядывающиеся на Турцию, втягивают её в иностранные, а не немецкие конфликты».

Маркс и Энгельс также выступали против австрийского решения вопроса, которое привело бы к заключению капиталистического развития в тюрьму слабой конфедеративной централизации, осуществляемой реакционными Габсбургами, но прусский путь Лассаля, исключавший немецкие территории Австрии и являвшийся орудием царистской России, расходился с третьей великогерманской формулой, которую защищали наши учителя и которая предполагала формирование политически централизованной демократической и революционной Германии с сердцем в промышленно развитом Рейнском регионе.

Возрождение и реакция

«Замкнутое торговое государство» [Фихте], – предупреждает Франц Меринг в своей «Истории Германии с конца средних веков», – не имеет ничего общего с социализмом. [Оно] скорее обрисовывает старопрусское государство в том виде, как оно должно быть устроено по требованиям буржуазного разума»³.

Во всём своём политическом мышлении и, в частности, в «Речах к немецкой нации» (1807–1808), Фихте был выразителем немецкого национального движения в его зачаточном состоянии. Здесь следует напомнить суждение Маркса, высказанное в серии статей 1854 года «Революци-

онная Испания»: «Всем войнам за независимость, которые велись против Франции, свойственно сочетание духа возрождения с духом реакционности»⁴. Творчество Фихте часто прочитывают ретроспективно – через призму катастроф XX века. Однако, страдая двойственностью, о которой говорил Маркс, Фихте всё же пытался примирить патриотизм и космополитизм и ясно предупреждал об опасности того, что национальное движение против французской оккупации может привести к реакции и реставрации, что «немецкая кровь» будет «пролита за возрождение привилегий». Его политическая мысль была движима Французской революцией, как это явствует из письма 1795 года Йенсу Баггсену: «Моя система – это первая система свободы: как та нация освободила человека от внешних оков, моя система освобождает от вещей самих по себе»⁵.

Космополитизм и национализм

Таким образом, Фихте ставил задачу достижения общечеловеческих целей в рамках нации. В этом, по его мнению, состояла революционная миссия немецкого народа, ибо его специфической чертой является всеобщность. Процесс утверждения буржуазии, выражением которого являлась мысль Фихте, происходил в контексте государства-нации, приходя тем самым в существенное противоречие с универсалистскими устремлениями этого класса. Этот контраст в области идеального отражает материальную диалектику капиталистического единства и раскола.

Конфликт между космополитизмом и национализмом – детище века Просвещения и Французской революции, но именно в Германии он получил такую своеобразную теоретическую разработку, которая отчасти отражала бессилие немецкой буржуазии. В то время как французская буржуазия поднималась к господству в централизованном государстве, Фихте указывал на «особенность национального характера немцев», которая состояла в их «существовании без государства и вне государства», в их «чисто духовном становлении».

Фихте также являлся поклонником политической науки Макиавелли. Это полностью соответствовало веяниям того времени, когда в Германии происходила переоценка идей итальянского мыслителя и проводились параллели между немецкими национальными устремлениями и ситуацией, в которой оказалась Италия после 1494 года. К примеру, Гегель в «Конституции Германии» 1801 года писал: «В те страшные годы, когда Италия, стремительно приближаясь к гибели, служила ареной войн, которые иноземные державы вели за её земли, когда она, предоставляя средства для этих войн, одновременно составляла и их цель, [...] один государственный деятель Италии, остро ощущавший всю глубину общего падения, гнева, разрушения и ослепления, трезво взвесив все обстоятельства, пришёл к твёрдому выводу, что спасти Италию можно, только объединив её в государство»⁶.

Поэтому, утверждает Меринг, Фихте «с головы до пяток был революционер». Для него как поборника восходящей буржуазии «была понятна национальная идея»: «[...] идеализм Фихте отличался от идеализма Шиллера, как политическая революция отличается от эстетической культуры»⁷.

Мистический социализм

В своих «Нескольких лекциях о значении учёного» Фихте демонстрирует великую интуицию об исторически преходящем характере государства: «Жизнь в государстве не принадлежит к абсолютным целям человека [...], но она есть средство, имеющее место лишь при

определённых условиях, для основания совершенного общества. Государство, как и все человеческие установления, являющиеся голым средством, стремится к своему собственному уничтожению: цель всякого правительства – сделать правительство излишним». Выражено это, однако, было в свойственных ему идеалистических терминах, и дальше он говорит, что это «совершенно не о применении в жизни», что на «a priori предначертанном пути рода человеческого имеется такой пункт» и что «цель человека [...] недостижима»⁸. На самом деле преодоление государства нереализуемо для буржуазии, поборником интересов которой являлся Фихте. Но Лассаль и здесь остаётся на фихтеанской почве, призывая к построению «в высшей степени нравственного» государства, «принуждению к свободе», воспитанию человечества в каком-то кантiansком «царстве целей», где государство «подчиняется идее рабочего сословия».

В отличие от марксистского подхода, схватывающего материальный базис, на котором вырастают классы и государство, и указывающего тем самым на неизбежность их угасания в результате действительного движения, идеализм Лассаля может в лучшем случае привести к своего рода мистическому социализму – своеобразной форме метафизики или даже религии. Так, некоторые течения, исповедовавшие культ личности Лассаля, такие как LADAV (Lassallescher Allgemeiner Deutscher Arbeiterverein)⁹, приняли характер религиозной секты.

Старогегельянство и «философия практики»

Что касается гегельянства Лассаля, то Герман Онкен пишет: когда Маркс упрекает Лассаля «в том, что он “запутался в спекулятивных понятиях”, он хочет сказать, что Лассаль всю жизнь оставался старогегельянцем».

Энгельс в «Людвиге Фейербахе» поясняет, что в философии Гегеля «нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всём и во всём видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения. [...] Консерватизм этого способа понимания относителен, его революционный характер абсолютен»¹⁰. Таким образом, можно заметить, что лассальянское гегельянство сохраняет только консервативную сторону учения о государстве, оставляя в стороне революционную сторону диалектического метода.

Но в эклектичной концепции Лассаля можно увидеть и мотивы левого гегельянства. Ссылка на субъективный и этический идеализм Фихте и его практицистское понимание действительности сближает Лассаля с младогегельянами и их «философией практики». По словам Николао Меркера, «в философии истории Лассаля, характеризующейся сочетанием левого гегельянства с темами этического активизма Фихте, присутствовал “принцип”, который “персонализировал” себя в эмпирическом событии или в человеке. Это вылилось в переоценку Лассалем великих личностей [в том числе самого себя и Бисмарка] во всемирно-исторических событиях».

Континентальные теории государства

С материалистической точки зрения, этатизм Фихте выражал прежде всего типичную для слабой и раздробленной немецкой буржуазии потребность организовать национальный рынок в тени протекционистских мер против иностранной конкуренции, особенно англосаксонской.

Как писал Герман Онкен в своей книге 1904 года «Lassalle», лассальянский миф

о государстве противостоит «двум противоположностям» – «манчестерскому либерализму и марксистскому материализму»: «Позиция Лассаля по отношению к государству должна быть заключена между этими двумя противоположностями. В тот самый период 1848–1870 гг., когда в Великобритании было достигнуто господство буржуазии и её антиэтатистской концепции, “Манифест” и “Капитал” заложили основы материалистического видения общества [...], Лассаль поддерживал факел идеи государства [...] с точки зрения зарождающегося государства, ещё не завершённого, и идеала класса, только пробуждающегося и едва видимого для нас. [...] Вопреки манчестерской доктрине (а молчаливо и вопреки социализму откровенно материалистической направленности) он характеризовал государство как единственную точку, из которой можно было изменить экономические условия. [...] Ему стало ясно, что для будущих задач борьбы за национальное единство в центре Европы германское государство должно будет удовлетворять совершенно иным требованиям, чем те, которые предъявляет английский либерализм с его привилегированным положением в мире».

Это последнее замечание заставляет вспомнить рассуждения Арриго Черветто в «Политической оболочке»: «Две старые позиции буржуазии по отношению к капиталистическому развитию отражают, в сущности, соотношение сил на мировом рынке. Позиция либеристская, англо-саксонская, является выражением благоприятного соотношения, а интервенционистская, немецкая – неблагоприятного»¹¹. Черветто напоминает о критике Марксом и Энгельсом этатизма Фридриха Листа и подчёркивает её полезность для революционной стратегии XX века: эти теории о роли государственной власти (вызавшие споры, которые с 1930-х годов охватили все метрополии) «предшествуют темам и мифам нынешней империалистической идеологии»¹².

В основе идеологии, приписывающей государству эту особую роль, лежали слабость немецкой буржуазии, потенциальные преимущества, которые страна могла получить на континенте, а также преобладание теоретических традиций пруссачества, Deutscher Sonderweg (особого пути капиталистического развития Германии). Пленённый условиями национально-буржуазной борьбы в Германии, Лассаль стал выразителем этих своеобразных черт немецкой идеологии.

Май 2022 г.

1 – Фихте И. Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения. М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2014. С. 39.

2 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 30. С. 273.

3 – Меринг Ф. История Германии с конца средних веков. Изд. 3-е. М.: Красная новь, 1924. С. 145.

4 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 10. С. 436.

5 – Цит. по: Гулыга А. В. Шеллинг. М.: Молодая гвардия, 1984. С. 21.

6 – Гегель Г.-В.-Ф. Конституция Германии // Политические произведения. М.: Наука, 1978. С. 150.

7 – Меринг Ф. Указ. соч. С. 144, 145.

8 – Фихте И. Г. Несколько лекций о значении учёного. Лекция II. О назначении человека в обществе // Сочинения в двух томах. Т. II. СПб.: Мифрил, 1993. С. 24, 25.

9 – Лассальянский Всеобщий германский рабочий союз.

10 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 21. С. 276.

11 – Черветто А. Политическая оболочка. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2010. С. 34.

12 – Там же. С. 22.

Крупные железнодорожные группы в Китае

От военной инженерии к Шёлковому пути

Проследив историю китайских железных дорог в контексте исторических закономерностей фрагментации буржуазии на региональные фракции и внешнего вмешательства великих держав, можно получить представление о значимой роли этих дорог в политической централизации маоистского государства, которую они начали играть со времён гражданской войны. Объединение государства в 1949 году происходило при участии «железнодорожных колонн» Народно-освободительной армии Китая (НОАК), и именно на их основе в 1953 году были сформированы «корпуса железнодорожных войск», задачей которых стало строительство – с помощью инженеров из СССР – новых железнодорожных участков. В течение первого пятилетнего плана железнодорожная сеть выросла с 24 до 28 тыс. километров, и к концу 1957 года объём железнодорожных перевозок увеличился по сравнению с 1949 годом в пять раз (Köll E. *Railroads and the Transformation of China*, 2019).

В своих материалах о развитии капитализма в Китае (Cervetto A. *Opere. Vol. 12. Quaderni: Cina. Stati Uniti. America Latina*, 2017) Арриго Черветто отмечает эссе Жана Шено. В своём тексте французский историк писал, что до 1949 года структура железнодорожной сети «отражала приоритет внешней торговли над межрегиональной, [то есть] тот факт, что в Китае не было действительно единого национального рынка, а был лишь ряд островков современной экономики, интегрированных в мировой рынок и оставшихся более или менее независимыми друг от друга»: речь шла о Шанхае, Маньчжурии, провинции Хэбэй и т. д. Таким образом, железнодорожная сеть представляла собой объединение локальных сетей, между которыми зияли крупные промежутки. Исключением являлась Маньчжурия, где Япония построила по-настоящему структурированную систему железных дорог.

Транспортный хаос и «культурная революция»

По словам Шено, Большой скачок 1958–1961 годов должен был положить начало строительству местных железнодорожных линий, миссия которых заключалась в том, «чтобы разблокировать сельскохозяйственные провинции и интегрировать их в национальную систему внутренней торговли», что означало бы решающий поворот в построении «единого национального рынка». С одной стороны, НОАК всё же протянула ключевые с экономической и политической точек зрения ветки железнодорожной инфраструктуры между Ланьчжоу (провинция Ганьсу) и Урумчи (провинция Синьцзян), между Баоцзи (провинция Шэньси) и Чэнду (провинция Сычуань), между Интань (провинция Цзянси) и Сямэнем (провинция Фуцзянь), но с другой – Большой скачок оказался очень хаотичным. Техобслуживанием вагонов часто пренебрегали в пользу производства нового железнодорожного оборудования; крупное оборудование было из стали низкого качества; характерными чертами грузоперевозок и процесса формирования промышленного «Третьего фронта» в западных провинциях стали многочисленные аварии, крахи и систематические нарушения, имевшие место внутри самих провинций.

Эта динамика была ещё более усилена в период «культурной революции», од-

нако важно понимать её двойственность. С одной стороны, хаос нарастал, с другой – после вмешательства армии, призванной Чжоу Эньлаем восстановить железнодорожный порядок, уровень перевозок 1966 года был восстановлен уже к 1970-му, задолго до завершения политического кризиса и последующей реорганизации Дэн Сяопина в 1975 году. Железные дороги были инструментом в гражданской войне и «культурной революции» и широко использовались не только для перевозки студентов-хунвейбинов, но и переброски войск. В то же время, несмотря на то что промышленному и сельскохозяйственному снабжению во времена Большого скачка был нанесён значительный ущерб, железнодорожная система Китая устояла и оказалась полезной для политической централизации. Недаром Чжоу Эньлай ухватился за неё как за решающий рычаг давления.

От политики «реформ и открытости» до высокоскоростных поездов

Дэн Сяопин прекрасно осознавал важность железных дорог для реализации политики «реформ и открытости», во многом похожей на старые проекты Сунь Ятсена. Вся железнодорожная сеть снова была централизована в 1978 году под руководством Государственного совета, однако теперь министерство железных дорог, располагавшее более чем 3 млн сотрудников, больницами, школами, судами и тюрьмами, казалось скорее государством в государстве, своего рода «Большим братом», состоящим из четырнадцати региональных отделений, которые даже не контролировались провинциями. Корпуса железнодорожных войск НОАК были демилитаризованы и включены в состав министерства в 1984 году, а затем стали государственной компанией China Railway Construction Corporation (CRCC). В период с 1995 по 2009 год штат сотрудников министерства сократился с 3,4 млн до 2,1 млн. В 2003 году CRCC поглотила China Civil Engineering Construction, основанную в 1979 году для строительства железных дорог за рубежом. Но ещё многое предстояло сделать и в самом Китае.

К концу 1990-х годов только треть железных дорог Китая была двухпутной, а электрифицирована была лишь четверть. «В 2002 году начался этап ускоренного развития, продвигаемого министром железных дорог Лю Чжицзюнем, который, вместо того чтобы полагаться на возможности Китая [...], способствовал приобретению и освоению иностранных технологий» (Chen Zhenhua, Haynes K. *Chinese Railways in the Era of High-Speed*, 2015). Развитие высокоскоростной сети основывалось на сотрудничестве с немцами,

японскими и французскими группами по принципу «рынок в обмен на технологии».

Железнодорожный Шёлковый путь

Строительство первой высокоскоростной линии между Пекином и Тяньцзинем было завершено в 2008 году. Настоящий «прорыв» имел место именно в сфере строительства высокоскоростных веток: в 2015 году их протяжённость составила 12 тыс. км, или одну десятую части сети Китая. Высокоскоростные дороги связали между собой 28 провинций, на них было поставлено более 1.000 поездов, курсировавших между 425 новыми станциями. Сегодня это сеть длиной более 25 тыс. километров, и в настоящее время очевидно, что они конкурируют с воздушным транспортом: в пассажирских перевозках на расстояние менее 150 километров преобладает автомобильный транспорт, высокоскоростные поезда доминируют в сфере поездок на расстояние до 800 км, в то время как воздушный транспорт становится их конкурентом на расстояние до 1.200 км (The World Bank. *China's High-Speed Rail Development*, 2019).

Высокоскоростная Китайская железная дорога стоит около 20 млн долларов за километр и является высококонкурентной на мировом рынке. Она считается визитной карточкой Китая в его инициативах Шёлкового пути, «которые способствуют национальному единству и экономическому развитию, как это было поддержано Сунь Ятсеном в 1921 году и Си Цзиньпином сегодня, что является одним из основных моментов преемственности в истории Китая» (Köll E. Op. cit.). Основанная на военной инженерии, CRCC сегодня насчитывает 290 тыс. сотрудников и является одним из крупнейших мировых производителей железных дорог, но на

95 % работает в Китае и на 3 % в Африке. С другой стороны, есть China Railway Rolling Stock Corporation (CRRC) – китайский производитель поездов, который в 2002 году был разделён на две части, а затем снова объединён в 2015 году.

CRCC и CRRC в разделе железнодорожного рынка

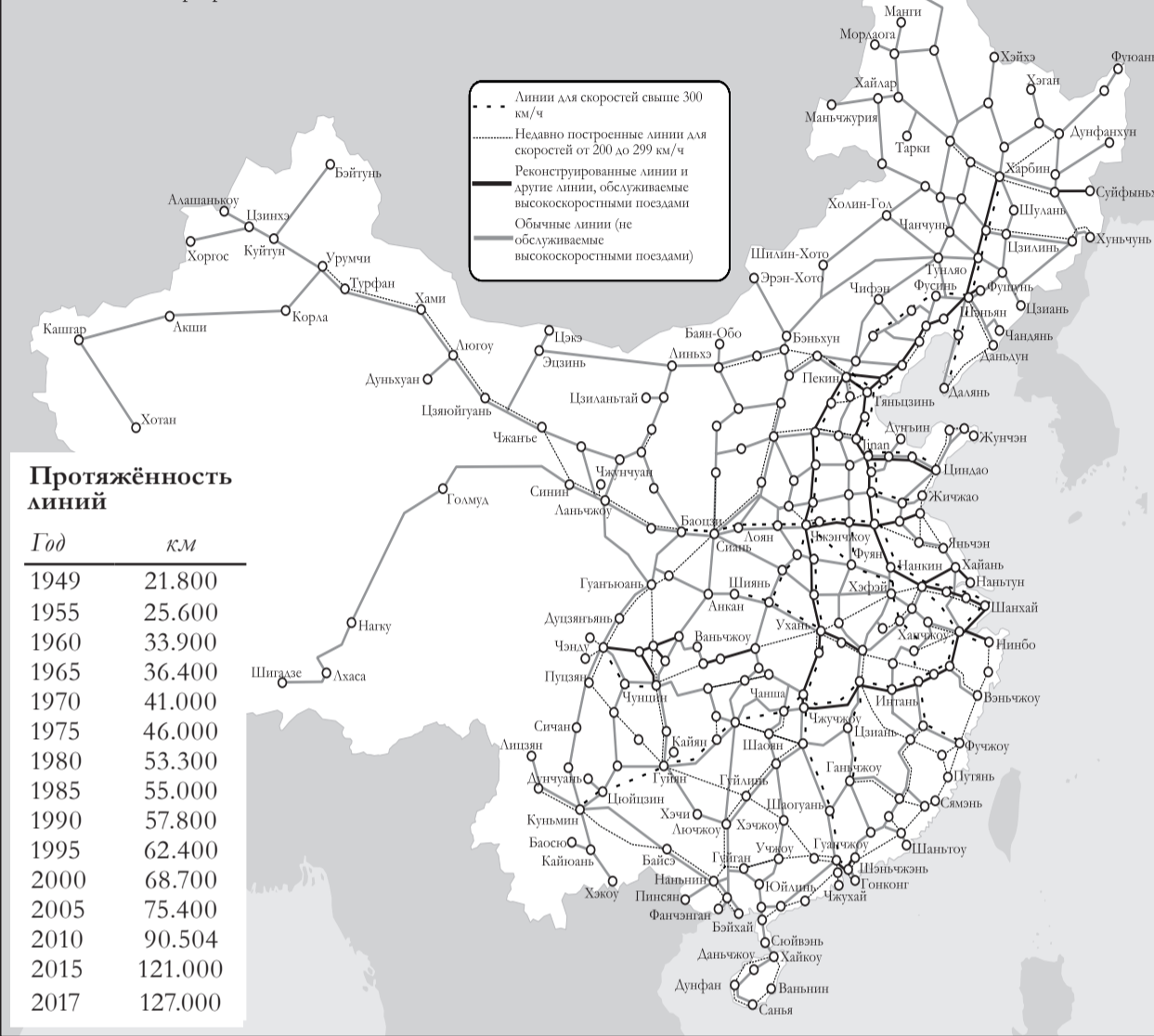
В 2019 году консалтинговая компания SCI Verkehr оценивала объём мирового рынка железнодорожной отрасли примерно в 190 млрд евро, из них 37 % приходилось на подвижной состав для высокоскоростных перевозок, обычных железных дорог и метро. Китай является крупнейшим в мире импортером высокоскоростных поездов, в этом сегменте доминируют Alstom-Bombardier, Siemens Mobility и Hitachi. CRRC занимает первое место по производству обычных электровозов, удерживая лидерство, на которое также претендует индийская компания CLW из Читтаранджана (Западная Бенгалия), и контролирует более половины рынка поездов метро. С точки зрения товарооборота, слияние Alstom и Bombardier, произошедшее после провала предыдущей попытки Alstom и Siemens, привело к созданию второго по величине производителя в мире после CRRC и впереди Siemens Mobility.

Китай конкурирует с Японией за строительство первых высокоскоростных линий в Юго-Восточной Азии и стремится выйти на европейский рынок через обычные железные дороги Восточной Европы, где реальным вызовом для Китая является признание соответствия его продукции высоким европейским стандартам.

В Пекине точно знают: рано или поздно рельсы пересекутся с дорогами политики.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ СЕТЬ В КИТАЕ

По состоянию на февраль 2020 года

ВТО: перезапуск в Женеве

Всемирная торговая организация (ВТО) и так страдала от врождённых дисфункций, но теперь они стали хроническими. Разговоры о полупарализованной, коматозной, умирающей ВТО шли уже в течение многих лет. Последняя министерская конференция, прошедшая в 2017 году в Буэнос-Айресе, завершилась без каких-либо многосторонних результатов. Торговое наступление президента США Дональда Трампа, пандемический кризис и украинский конфликт слились в серию ударов, которые многие считали фатальными для организации. В мае мы назвали ВТО потенциальной «жертвой войны»: тогда казалось, любому диалогу препятствует бойкот Западом российского правительства. Удивительно, но июньская конференция в Женеве имела относительный успех.

Оборонительная победа

Похоже, результатом была удивлена даже генеральный директор ВТО Нгози Оконджо-Ивеала (нигерийка, имеющая также американское гражданство). Во вступительном слове она выдала свой пессимизм: даже достижение одного отраслевого соглашения, по её мнению, было бы лучшим вариантом, чем ситуация, когда «все разошлись бы по домам с пустыми руками». В конце конференции, растянувшейся на 48 часов, хотя переговоры велись и днём, и ночью, Оконджо праздновала «исторический пакет соглашений», «беспрецедентный» с момента рождения ВТО в 1995 году. Эти соглашения подразумевают, что правительства стран-участниц обяжутся сократить ограничения на экспорт в случае продовольственных чрезвычайных ситуаций и пандемий, подтвердить мораторий на пошлины на электронную торговлю и начать обсуждение реформы ВТО, которая должна быть представлена на следующей конференции в конце 2023 года. Два же наиболее конкретных соглашения, являющихся, правда, частичными и временными, – правила приостановки действия права интеллектуальной собственности на вакцины против COVID и соглашение об ограничении субсидирования рыболовства – носят явно второстепенный характер, хотя второе является предметом переговоров уже на протяжении более 20 лет.

Международная пресса уделила «женевскому пакету» мало внимания, посчитав его почти несостоятельным. Хотя содержание соглашений и в самом деле кажется очень скромным, особенно с точки зрения новой либерализации торговли, на конференции был достигнут по крайней мере один важный политический результат – подтверждение роли самого института. «ВТО вернулась», – заявила Оконджо. В действительности организация, похоже, вынуждена обороняться, стремясь сохранить хотя бы имеющийся статус-кво.

Ответственная Индия

«Смерть ВТО была лишь отсрочена», – пишет индиец Мехир Шарма, аналитик исследовательского фонда Observer Research Foundation в Нью-Дели, финансируемого промышленным гигантом Reliance, принадлежащим семье Амбани. Историческая закономерность ВТО, являющаяся главной помехой крупным многосторонним соглашениям в международной торговле, – это противопоставление интересов «развитых»,

«развивающихся» и «отсталых» стран. В двух последних категориях есть свой паладин в лице Индии, за которой в течение десятилетий закрепилась репутация вечного обструкциониста, оплота протекционизма, врага любых дальнейших открытий глобализации.

Оспаривая эту версию, Шарма пишет, что «Индия и другие развивающиеся страны проявляют гораздо больше сотрудничества в торговле, чем США или Китай». Правительство Нарендры Моди, например, принимает соглашения о субсидировании рыболовства, несмотря на традиционное сопротивление Индии требованиям защиты окружающей среды. В ходе переговоров министр торговли Пиюш Гоял провёл различие между 9 млн индийских рыбаков, занятых в основном собственным потреблением, и современным промышленным флотом других стран. «Каждой семье рыбаков Индия выплачивает субсидию в размере скудных 15 долларов в год», в то время как некоторые страны Северной Европы с несколькими тысячами рыбаков предлагают им до 75 тыс. долларов.

Для защиты интересов «развивающихся» стран Гоял использует формулу: «Нельзя идти по пути торговли натошак». Таким образом, Индия снова добивается того, чтобы в переговорах по либерализации не фигурировала тема агропродовольственного сектора. Однако, по мнению Шармы, «не непримиримость Индии или развивающегося мира держит ВТО на грани гибели». Ответственность за реформирование и оживление ВТО несут сверхдержавы США и Китай, если же этого сделано не будет, то её деятельность «продолжит терять актуальность».

Китайская уступка

Одна из самых политически интересных деталей женевской конференции просматривается именно на оси США – Китай. Соглашение о патентах на вакцину от COVID – это компромисс, который устраивает далеко не всех. Гуманитарные организации и страны, поддерживающие мораторий, жалуются на то, что итоговое соглашение представляет собой сильно урезанную версию первоначального предложения Индии и ЮАР, которое, к примеру, включало другие методы лечения и диагностические инструменты. Ассоциации крупных фармацевтических групп осуждают атаку на их прибыль, которая необходима им для компенсации огромных инвестиций в исследования. В редакционной статье *Wall Street Journal* драматизируется «огромное поражение национальных интересов США, которое пойдёт на пользу Китаю и создаст прецедент, подрывающий защиту интеллектуальной собственности».

Костариканка Анабель Гонсалес, один из четырёх заместителей генерального директора ВТО, утверждает, что «незаметное примечание к решению об интеллектуальной собственности может стать самым важным системным вкладом» всей конференции. В этом примечании говорится, что мораторием могут воспользоваться все «развивающиеся» страны, но тем, у кого уже есть мощности по производству и экспорту вакцин против COVID, рекомендуется отказаться, взяв на себя связанное обязательство. Китайская делегация внесла это примечание в конце переговоров с Вашингтоном, которые стали последней частью «женевского пакета». По словам Гонсалес, этот добровольный, но обязывающий, механизм от-

каза может стать гибкой формулой для заключения в рамках ВТО других многосторонних соглашений.

Американская двойственность

На практике Китай формально сохраняет свой статус «развивающейся» страны, но в данном случае отказывается от соответствующего особого режима. По словам Шармы, «даже если Китай примет ограничение добровольно, это создаст важный прецедент». Пекин, наконец, признает, что его доминирующий вес в мировом экспорте требует от него отказа от определённых мер защиты. «Для того чтобы ВТО вновь обрела значение и доверие развивающегося мира, ей в будущем придется кодифицировать новый статус Китая. Но этого будет недостаточно. Другим препятствием на пути к настоящему возрождению ВТО являются США, которые при президенте Джо Байдене сохранили обструкционистский подход к мировой торговле, характерный для прежней администрации».

Оценка Шармы очевидна: судьба ВТО в решающей степени зависит от выбора Вашингтона и Пекина. И то, что Байден во многом продолжает торговую политику Трампа, во многом является правдой. На фронте ВТО новая администрация США сняла вето на назначение Оконджо и сегодня участвует в процессе по достижению консенсуса по поводу «женевского пакета», однако продолжает бойкотировать Апелляционный орган, что блокирует судебную ветвь организации.

Отличительной чертой Белого дома в последние годы, похоже, является не только протекционизм, но и неуверенность, или двойственность. США ясно дали понять, что не хотят сохранять ВТО в её нынешнем виде, но при этом не предлагают пути реформ, приемлемого для других держав, и не подталкивают их к официальному выходу из организации. Более того, Вашингтон представлен в ВТО заместителем генерального директора ВТО Анжелой Эллард, которая поддерживает институциональную линию на полную защиту мультилатерализма в его классической формулировке – «глобальные вызовы требуют глобальных решений».

Необходимые коалиции

Эллард сменила в 2021 году Алана Вольфа, которого в годы президентства Трампа мы неоднократно упоминали как авторитетного представителя мультилатералистской линии США в верхушке ВТО. Сегодня в Вашингтонском Институте Петерсона Вольф разрабатывает ряд предложений по реформе торговой системы, которые имеют двойственный характер. В качестве голоса ВТО как мирового института Вольф надеется на то, что ей будут предоставлены настоящие наднациональные полномочия (как регулирующие, так и судебные), более централизованные и предполагающие более мощную автономию инициатив генерального директора ВТО и его секретариата. В качестве же ветерана американского империализма, имеющего опыт работы торговым посредником в администрации Картера, Вольф надеется, что США вернут себе доминирующую роль в этой межправительственной организации. Не обладая больше экономическим весом, чтобы делать это в одиночку, «США должны собрать коалицию, подобную той, которую они сформировали для противодействия российскому

вторжению на Украину, а не против какой-либо отдельной нации», то есть не против Китая, но «в общих интересах и целях, заключающихся в укреплении многосторонней системы открытой и регулируемой торговли».

Вольф, похоже, придерживается концепции основателя Института Петерсона Фреда Бергстена: как только фаза американской гегемонии закончится, станут необходимыми «гегемонистские коалиции» США и их союзников. Только в этом многополярном измерении можно сбалансировать влияние китайского гиганта. Президент Совета по международным отношениям Ричард Хаас утверждает, что в контексте вызовов глобализации «автаркия – это тупик», «унилатерализм – это не мудрый политический ответ», но и всемирные организации, такие как ВТО, «по большей части представляют собой частичное или полное банкротство». Если и есть решение, то это «какой-то вариант коалиций добровольцев». В поисках контрмер упадку Атлантики Бергстен и Хаас, весомые голоса с Восточного побережья, сходятся во мнениях относительно необходимости коалиций, возможно, сравнимых с «френдшиорингом», продвигаемым Джанет Йеллен, министром финансов в администрации Байдена.

ВТО войны

В мае на страницах нашей газеты мы сообщали о предложении создать «торговую НАТО», озвученном бывшими американскими чиновниками Венди Катлер и Руфусом Йеркской (последний с 2002 по 2013 год был заместителем гендиректора ВТО). В этом более агрессивном варианте возглавляемая США коалиция будет сформирована вне многосторонней системы, конкурируя с ВТО, если вообще не будет претендовать на то, чтобы стать ей альтернативой.

В условиях кризиса порядка Вашингтон ищет новые решения, которые позволили бы ему оставаться в центре всех балансов. К единству или расколу империализма направлены эти формулы? Когда мы говорим о «коалиции добровольцев», как в Ираке, или о «торговой НАТО», становится ясно, что преобладает конфликтный аспект экономической войны. Однако нельзя исключать, что такие частичные союзы будут благоприятствовать установлению новых равновесий, которые ВТО сможет использовать, чтобы сохранить для себя роль глобального арбитра. Смогут ли США завербовать важных союзников, таких как ЕС и Япония, предпринимая эти попытки раскола? Среди основных «развивающихся» стран Индия и ЮАР по-прежнему придерживаются классических многосторонних соглашений, одобренных всеми государствами-членами ВТО. Несмотря на риторику об «истинном мультилатерализме», Китай, похоже, занимает более прагматичную позицию.

Тот факт, что в продолжающейся войне на европейском континенте был достигнут пик раскола, не помешал принятию пакета многосторонних договоренностей на женевской конференции, утверждают гендиректор ВТО Оконджо и её заместитель Эллард. В рамках их идеологии это является демонстрацией того, что мультилатерализм работает. Для марксизма же это очередное подтверждение того, что как мир, так и война представляют собой проявления империализма.

Борьба с коронавирусом

Международное сотрудничество и медицинский национализм

Во второй половине XIX века первые международные конференции по здравоохранению, несмотря на их неудачи, «сделали возможным то, что никогда не было возможно раньше, – обмен мнениями между врачами, управленцами и учёными разных стран и культур», – пишет Норман Говард-Джонс («Les bases scientifiques des Conférences sanitaires internationales 1851–1938», 1975). Таким образом, история этих конференций – это история общественного здравоохранения, рассматриваемого во всемирной перспективе, и тех препятствий, которые национальное соперничество систематически ставило на пути утверждения новых достижений науки и международного сотрудничества в данной области.

“Медицинский реформизм”

Не было недостатка и в эмпирических наблюдениях и научных открытиях, которыми страны могли бы поделиться между собой. Выпыха холеры в Европе, начиная с 1830 года, «на этапе нарастающей индустриализации, когда отдельные государства контролировались администрациями, вмешивавшимися во всё более разнообразные сферы, [...] должна была придать ускорение движению, которое называлось общественной гигиеной» (Jacques Ruffié, Jean-Charles Sournia, «Le epidemie nella storia», 1985).

Ещё до вспышки холеры катастрофические условия жизни пролетарских масс – среди нищеты, недоедания, антисанитарного жилья – подтолкнули ко множеству исследований влияния условий окружающей среды на здоровье населения. Первая кафедра гигиены была открыта в Париже. «Примерно к 1830 году установилось настроение, благоприятное для действий правительства. Однако государственные органы оставались в бездействии, пока обстоятельство не вынудило их к обратному» (Richard H. Shryock, «Storia della medicina nella società moderna», ISEDI, 1977). Эти обстоятельства, как мы уже видели на примере из Фридриха Энгельса, были созданы распространением “азиатской холеры” в “цивилизованных” странах, которое ранее считалось невозможным, и взрывом социального вопроса. Бактериальное происхождение холеры ещё не было открыто, но в XIX веке были начаты программы по санитарной обработке трущоб. Создание канализационных систем, распределение питьевой воды, снижение вредности жилья и повышение чистоты бедных кварталов если и не решили проблему бедственного положения пролетарских масс, то на практике оказались эффективными мерами общественной гигиены против инфекционных заболеваний.

Необходимость централизованного регулирования здравоохранения с трудом прокладывала себе дорогу сначала в Англии, а затем и в других европейских государствах. «Начиная с 1870 года, в большинстве цивилизованных стран были созданы министерства общественного здоровья». Этот процесс замедлялся сопротивлением старых верований, а также из-за конфликтов между местными органами и центральными властями, как в Европе, так и в Америке. В Соединённых Штатах Американская медицинская ассоциация, основанная в 1847 году, «резко критиковала санитарную ситуацию в

больших городах и настоятельно призвала к максимально точному составлению демографической статистики. К сожалению, невежественные и неотёсанные законодатели штатов остались глухи к этому призыву, который ряд из них назвал “новой махинацией докторов”». (R.H. Shryock, op. cit.).

Путь, усеянный препятствиями

Во второй половине века развитие науки также нашло выражение в открытии возбудителей многих тяжёлых заболеваний: туберкулёза, холеры, тифа, дифтерии, столбняка, чумы, сифилиса. Была создана “теория микробов”. Тем самым произошла «великая мутация медицины XIX века, которая в последние два его десятилетия приведёт целое поколение микробиологов к выявлению всех или почти всех микробных агентов известных инфекционно-паразитарных заболеваний. Цепь этих открытий, с учётом их значимости, делает правомочным термин “бактериологическая революция”» (Giorgio Cosmacini, «Storia della medicina e della sanità in Italia», 2005).

Что касается холеры, которая была предметом большинства конференций по вопросам здравоохранения в XIX веке, то её бактерию-возбудителя выявил Роберт Кох (1843–1910), врач-гигиенист медицинской службы Берлина. За тридцать лет до этого, в 1854 году, тосканский анатом и гистолог Филиппо Пачини (1812–1883) уже опубликовал работу “Микроскопические наблюдения и патологические выводы об азиатской холере”, в которой описал холерный вибрион как патогенный агент, который проникает в организм с заражённой водой или пищей. В то же время английский врач Джон Сноу (1813–1858), проводя полевые наблюдения во время эпидемий в Лондоне в 1848–1849 и 1854 годах, зафиксировал взаимосвязь между загрязнением питьевой воды сточными стоками и распространением инфекции, а также смертностью в бедных кварталах, выдвинув гипотезу о действии “микроба”, попадающего в организм через пищеварительный тракт. Его публикация (1855) была встречена скептически и не была принята из-за господствовавшей антиконтагиозной “ортодоксии” и “теории миазмов” (Frank Snowden, «Storia delle epidemie dalla morte nera al Covid-19», 2020).

Новые открытия в области бактериологии с трудом противостояли старым теориям и убеждениям. Международные конференции по здравоохранению, эмбриональные зародыши сотрудничества – до концепции “глобального здравоохранения” было ещё далеко – служили ареной жарких научных споров и противостояния интересов национальных властей. На второй конференции 1859 года, где доминировали “антиконтагиозные” теории, работы Пачини и Сноу даже не упоминались. Британский делегат выразил “официальное мнение” британского медицинского корпуса, состоящее в том, что холера не должна включаться в число заболеваний, подлежащих санитарным мерам. «На основании имевшегося опыта», холера должна была считаться «неконтагиозной болезнью». Более того, карантинные меры, наложенные на суда, были «иллюзорными» с точки зрения предотвращения завоза холеры из Азии,

учитывая развитие железнодорожной сети (N. Howard-Jones, op. cit.).

Теории и полевая практика

Выводы Сноу были рассмотрены спустя десятилетие после их публикации, на третьей конференции, состоявшейся в Константинополе в 1866 году, однако оказались отвергнуты. Открытия Пачини были «полностью проигнорированы». Среди делегатов наибольшей популярностью пользовались теории Макса Йозефа фон Петтенкофера (1818–1901).

Петтенкофер был одним из ведущих представителей “гигиенического движения” в Европе во второй половине XIX века: в 1878 году он основал Институт гигиены в Мюнхене. Даже спустя длительное время после того, как работы Коха произвели международный резонанс, он оставался решительным противником тезиса о вибрионе как причине холеры и о питьевой воде как средстве её передачи. Точно так же он отвергал этот тезис в отношении сыпного тифа. Причину он видел в других факторах, прежде всего «миазматических эманациях» из пропитанной сточными водами почвы и «индивидуальной восприимчивости» к холере. Таким образом, он занял место между антиконтагиозистами и контагиозистами, настаивая на передаче по воздуху.

Третья конференция единогласно пришла к выводу, что проглатывание заражённого материала, такого как вода, «вероятно», может вызвать заболевание, но основным переносчиком “токсичного агента” является воздух, а его “воротами” – дыхательные пути. Однако делегаты согласились, что заражённая почва может сохранять способность «высвободить источник болезни» в течение длительного времени, и поэтому дезинфекция оказывала «весомую помощь». Несмотря на неоднозначность выводов научной комиссии, они одобрили гигиенические практики, доказавшие свою эффективность.

“Сотрудничество” между странами-участницами – к ведущим державам присоединились другие европейские государства и Персия – ограничивалось согласованием определённых “научных” аспектов. Согласие, – отмечает Говард-Джонс, – было, однако, поверхностным и временным. Двадцать лет спустя, на шестой международной конференции по здравоохранению в 1885 году, британские делегаты отвергли «почти с религиозным пылом мысль о том, что холера может быть завезена из Индии».

Морской национализм

Четвёртая конференция, состоявшаяся в Вене в 1874 году под давлением России, морская торговля которой через Босфор зависела от “капризов” Турции и её карантинных мер, налагаемых на транзитные суда, привела к аналогичным результатам. На ней было принято решение о создании постоянной Международной комиссии по эпидемиям в Вене ради чисто научных целей. Она также была призвана бороться с новой опасностью – жёлтой лихорадкой. Комиссия так и не увидела свет, и, с практической точки зрения, окончательные решения оставили странам-участницам «свободу действий, как если бы Конференция никогда не проводилась». Говард-Джонс отмечает «удивительную деталь»: в 1869 году

был открыт Суэцкий канал, однако это чрезвычайно важно с эпидемиологической точки зрения событие даже «не было упомянуто».

Пятая международная конференция по здравоохранению прошла в Вашингтоне в 1881 году и имела новые черты по сравнению с предшествующими. Она впервые (и одновременно в последний раз) проводилась в США; участие семи стран Латинской Америки, Японии, Китая и других небольших государств сделало её самой международной конференцией XIX века; помимо холеры, на ней также рассматривалась проблема жёлтой лихорадки, которая свирепствовала в портах Северной Америки с конца XVIII века. Конференция также носила, «в сущности, политический характер»: на ней не проводились научные дискуссии, поскольку все представители 26 стран-участниц были дипломатами. (N. Howard-Jones, op. cit.).

Конференция была созвана по инициативе Соединённых Штатов в попытке добиться международного соглашения, которое обязало бы все суда, направляющиеся в американский порт, иметь при отплытии сертификат, содержащий информацию о предыдущем плавании, медицинском состоянии пассажиров, экипажа и груза. Предложенный “санитарный регламент” требовал от других морских государств предоставить сотрудникам консульства США право досматривать суда до их выхода из порта приписки, а не только по прибытии. Предложение о том, чтобы власти иностранных держав могли досматривать суда в портах отправления, «повергло делегатов других стран в смутение» и было отвергнуто, как и другие варианты посредничества.

Точно так же не воплотилась в жизнь идея создания в Вене и Гаване международных агентств по предупреждению заболеваний путём сбора информации на четырёх континентах. Финансирование агентств должно было осуществляться странами-участницами пропорционально численности их населения и размерам их торгового флота. Пятая международная конференция по здравоохранению завершилась «полным взаимным несогласием».

Июль – август 2022 г.

Федерико Дальвит

Европа в глобальных коллизиях

592 стр., твердый переплёт, примечания, биографический справочник, библиография, хронология, указатель периодических изданий и СМИ, карты.
ISBN 978-5-9905528-9-0

Цена 400 руб.

Убийство Синдзо Абэ знаменует бурное десятилетие для Токио

«Самым долгоживущим наследием» Синдзо Абэ станет то, что он сумел «предвидеть изменения эпохи» и распознать «собирающуюся бурю» на нынешнем историческом этапе, – написал в некрологе индийский премьер Нарендра Моди. Моди сокрушается по потере «большого друга», который погиб в результате нападения, случившегося 8 июля, во время электоральной кампании перед промежуточными выборами в сенат. Дели, объявивший день национальной скорби, плачет по Абэ, словно по «сыну Индии».

Индийское правительство выказывает дань уважения Абэ, что подчёркивает центральное место отношений с Токио во внешней политике Нью-Дели, одним из главных архитекторов которых был как раз бывший японский премьер. Во время его первого срока, в августе 2007 года, Абэ произнёс речь перед индийским парламентом о «слиянии двух морей», что предвосхитило концепцию Индо-Пацифики и стратегической и экономической «неразделимости» двух океанов, а также QUAD, политического форума США, Японии, Индии и Австралии.

«Особые отношения» Абэ с Нью-Дели и Пекином

Отношения между Индией и Японией, пишет азиатская пресса, восходят к 1950-м годам, когда Нью-Дели предложил Токио принять участие в Бандунгской конференции в апреле 1955 года. По мнению современной японской историографии, это событие знаменовало для Японии «возможность вернуться в Азию» после поражения в 1945-ом, а также первое сближение с Китаем. Позднее, в 1957 году, дедушка Абэ Нобусукэ Киси стал первым японским премьером, с официальным визитом прибывшим в Дели, где его «с почётом встретил» Джавахарлал Неру, главный архитектор индийской независимости. По мнению Сингапурской газеты *Straits Times*, это имело далеко идущие последствия: Субраманьям Джайшанкар, нынешний министр иностранных дел Индии, в свою бытность дипломатом в Токио в 1996–2000 годы налаживал отношения с Абэ, полагая, что он, выбранный в 1993 году депутатом, может высветиться в иерархии ЛДП. Абэ тепло встретил решение Индии развивать ядерное сдерживание и соответствующие испытания атомных бомб в 1998 году. А заняв кресло премьера, он одним из первых встретился с Модии, который на тот момент являлся губернатором Гуджарата.

По словам Кацудзи Накадзавы, редактора *Nikkei* по внешней политике Китая, соболезнования со стороны Пекина говорят о существовании десятилетних «особых отношений» между Абэ и Си Цзиньпином. Второй премьерский срок Абэ совпал с приходом Си к власти в 2012 году; оба политика являлись лидерами своих стран в «турбулентные времена», формулируя «базовые стратегии для обеих стран». Это были отношения под знаком «соперничества», артикулированного через «прагматический реализм». Пекин признаёт роль Абэ в нахождении консенсуса, призванного укрепить китайско-японские отношения «до уровня, необходимого в новую эру». Дракон надеется продолжить этот процесс, сотрудничая с последователем Абэ Фумио Кисидой, под знаком «мирного существования» и в соответствии с «принципами, установ-

ленными в четырёх политических документах», подписанных Токио и Пекином с 1972 по 2008 год.

«Противостоять яростным волнам»

По мнению *Nikkei*, со смертью Абэ завершилась политическая эпоха, когда преобладал баланс «между консервативной идеологией и прагматизмом». Утверждение внутривнутриполитической стабильности через лидерство, вертикаль власти и роль премьера как крупнейшего представителя консерватизма явились «ключевыми элементами» японской дипломатической проекции. В написании «дипломатического учебника» по консолидации отношений в Азии посредством заключения ряда «квази-альянсов», начиная с наиболее тесных связей с Вашингтоном и странами Индо-Пацифики, Абэ вдохновлялся стратегией Ясухиро Накасонэ в 1980-е годы. Хотя Абэ и ставил акцент на том, что «мандат ему вручили консерваторы», в действительности он оказался «реалистом, шагающим в ногу со временем и динамикой международных отношений», постоянно пытался установить равновесие в отношениях с Китаем.

По мнению Тобиаса Харриса, биографа Абэ, бывший премьер считал себя – в том числе из-за провинции, откуда он был родом – наследником архитекторов революции Мэйдзи (1867–1912), которые строили государство, способное выдержать и вести противостояние с «европейскими империями» и США, участвовавшими в «разделе Азии». Согласно национал-консервативному видению Абэ, чтобы Япония сумела вернуть себе роль державы, она должна была подготовиться вести «жестокое противостояние между нациями» и быть в состоянии «противостоять яростным волнам». С этой целью она должна была обеспечить себя сильным центральным правительством и «крепкой военной силой», которая способна его защищать перед лицом «опасного мира». По словам Харриса, наследие Абэ может заключаться в том, что бывший премьер навязал национал-консервативные требования, долго остававшиеся невыполненными – сильное государство, перевооружение и конституционная реформа, – в качестве новой оси стратегического консенсуса в японской метрополии, ставшего результатом переворота в балансе сил внутри ЛДП. Хотя консервативный блок потерял своего собственного выдвиженца Кисиду, несмотря на «крепкий [электоральный] мандат», он, похоже, не намерен сильно отдаляться от линии, начерченной Абэ.

Обусловленная случайность

Согласно реконструкции событий, нападение на Абэ не было мотивировано открыто политическими причинами и может быть охарактеризовано как обусловленная случайность, связанная как с политически-медийными выступлениями экс-премьера, так и со связями ЛДП с рядом религиозных организаций и течений. Нападавший, бывший военный, мог действовать из побуждений «личной обиды»: финансовое положение его семьи было подорвано пожертвованиями в так называемую Церковь объединения. Эта секта, возникшая в Южной Корее, присутствует в Японии, в Азии и в США, где располагает политическими и эконо-

мическими связями с американскими евангелическими церквями.

Страна восходящего солнца пережила периоды интенсивного внутреннего политического насилия, особенно в 20-е и 30-е годы XX века, когда шла борьба военных и националистических течений. Затем, во время кризиса 1960 года, когда проходили манифестации в пользу пересмотра Договора о безопасности, едва не погиб в результате нападения дед Абэ – Киси, а генеральный секретарь Социалистической партии был убит ударом клинка во время электорального митинга. Связь между Церковью объединения и ЛДП восходит к началу 1960-х годов, когда она культивировалась как в электоральных целях, так и в соответствии с идеологическими дозировками времён холодной войны. Поляризирующая позиция Абэ, продвигавшего глубокую ревизию японской стратегической линии, а также дебаты о возможности ядерного сдерживания, определяют контекст нападения, хотя и не являются его прямой мотивацией. Тем не менее показательно, что среди причин смещения Нобуо Киси с поста министра обороны называются связи с Церковью объединения преподобного Муна.

Как подчёркивает *Japan Times*, Абэ не назначил преемника на саммите своей фракции, которую он возглавил сам, поскольку считал, что не может «разбавить собственное политическое влияние», позволяющее диктовать часть повестки правительству, «большим избирателем» которого он был.

По мнению *Nikkei*, ситуация рискует породить «политический вакуум». С одной стороны, у Кисиды больше всего возможностей для определения дозирок повестки в сфере экономики и безопасности, а также в том, что касается конституционной реформы. По итогам выборов в руках ЛДП оказалось большинство в две трети мест в обеих палатах парламента – этого достаточно, чтобы вносить поправки в конституцию, которые, однако, должны будут быть ратифицированы всеобщим референдумом. С другой стороны, смерть Абэ открывает борьбу за наследование в его фракции, что может усложнить действия правительства. По словам *Straits Times*, которая цитирует внутренний источник в ЛДП, для того, чтобы избежать мятежа правой, Кисида мог бы увеличить оборонный бюджет до 60 миллиардов долларов уже в 2023 году, растягивая на десятилетие процесс реализации объявленной цели доведения бюджета до 2 % ВВП. Электоральная повестка ЛДП предполагала пятилетний срок. Кисида объявил, что военные расходы – это не «лишь вопрос цифр», но вопрос направления и содержания.

Утверждение «прагматического баланса» в Токио

Японская либеральная пресса обращает внимание: перспектива того, что в списке мировых лидеров по величине военных расходов Токио переместится с девятой на третью строчку, вслед за США и Китаем, имеет стратегическое измерение в отношении азиатских и мировых балансов. Это подтверждают два комментария. Согласно *Washington Post*, Соединённые Штаты и другие демократии должны поддержать «легитимацию японского военного потенциала», учитывая, что Токио в XXI веке «является верным участником международного сообщества»: его вклад в «глобальную безопасность» сегодня оказывается

ещё более необходимым, чем до начала украинского конфликта. Конституционная реформа укрепила бы роль Страны восходящего солнца как части «коллективной безопасности, вероятно, включающей и безопасность Тайваня».

Китайская *Global Times* пишет, что условия безопасности, преобладающие вокруг японского архипелага, и исход выборов позволят Токио воспользоваться случаем, чтобы «совершить перевооружение и стать нормальной страной», располагающей «независимой армией» и потенциалом для внешней проекции. Речь идёт как о «японском вопросе», так и о «региональной безопасности»: иными словами, в какой мере Токио получит благословение Вашингтона, а также будет ли японское перевооружение направлено в антикитайское русло в рамках «американской индо-тихоокеанской стратегии» и «экономического декаплинга» Штатов от Китая. В Северо-Восточной Азии, подчёркивает *Global Times*, на данный момент достигнута «глубокая экономическая интеграция» между Китаем, Японией и Южной Кореей. Кисида отошёл в сторону от линии Абэ, «отвергнув возможность заключения Токио соглашения о совладении ядерным оружием», подобно действующему в НАТО.

Продолжаются дебаты внутри ЛДП и других политических сил. Токио впервые принял участие в саммите НАТО в Мадриде на уровне главы правительства. Кисида, добавляет *Global Times*, должен «понять китайские сигналы о соболезнованиях по поводу кончины Абэ». Именно: Пекин признал «прагматизм» «консерватора до мозга костей со сложным видением истории», который оказался способен продемонстрировать «политическую смелость» и «рациональность» в стабилизации отношений с Китаем, когда взошёл на пост премьера. Видимо, по мнению Дракона, поскольку военно-политическое перевооружение Страны восходящего солнца является реальностью, либерал-консерватор Кисида должен следовать канве прагматического баланса Абэ, который воспользовался игрой держав и растущим соперничеством Пекина и Вашингтона, чтобы увеличить пространство автономного манёвра для Токио.

Ёити Фунабаси, бывший директор *Asahi Shimbun*, намекает на дозировку японского либерального реализма. Он подчёркивает, что за последние полвека контекст китайско-японских отношений был перевёрнут с ног на голову в соответствии с тем, как было перевёрнуто взаимное соотношение сил. Когда-то ВВП Японии был в три раза выше ВВП Китая, теперь же это отношение обратное. Военные расходы Токио были в два с половиной раза больше китайских, теперь они составляют одну пятую от расходов Пекина. На Китай приходится 25 % товарооборота и 34 % инвестиций Японии. Чтобы не оказаться затянутым в китайско-американское соперничество, Токио должен располагать дипломатическими опциями, в число которых должны входить «более независимая роль» на международной арене и обладание автономным потенциалом сдерживания. А также Япония должна расценивать отношения с Китаем как «конкурентное сосуществование» – «бесконечный процесс», поддерживаемый «самоконтролем и некоторым чувством смирения», когда нужно «скорее управлять условиями, нежели решать проблемы».

Новые двадцатые

Война на Украине продолжалась всё лето, неся кровавый поток смертей и разрушений. В остальной Европе, где война по-прежнему воспринимается большинством как явление отдалённое, были другие заботы. Две в первую очередь: цены и сфера услуг.

Тем не менее именно так проявляются две важнейшие особенности нынешней экономической ситуации и их социальные последствия. Во-первых, это инфляция и, как следствие, неадекватность заработной платы для обеспечения покупательной способности работников. Другая проблема – нехватка рабочей силы, особенно в некоторых сферах услуг, и это возрождает потребность в иммиграции.

Структурные проблемы и непредсказуемость капитализма

Начнём с последнего. Журнал *The Economist* от 9 июля спрашивает: «Куда делись все рабочие?». Он рисует общеевропейскую картину дефицита: от кафе во Франции до строок в Ирландии, от автомобильных заводов в Чехии до ферм в Италии. Прежде всего пострадали авиаперевозки, причём по всему континенту, – тысячи рейсов отменены: «Выезд на отдых ещё никогда не был таким напряжённым».

Handelsblatt от 1 июля рисует аналогичную картину для Германии: страдают не только аэропорты, но и школы с детскими садами, интенсивная терапия в больницах, здравоохранение в целом и логистика. Институт исследований занятости (IAB) насчитал 1,7 млн вакансий в I квартале этого года.

Одно из наблюдений показательное: «Дело в том, что сотрудники, которые должны заполнить эти дыры, так и не родились». Проблема носит структурный характер и свидетельствует о демографической зиме, которая сейчас серьёзно сказывается на группах трудоспособного возраста. Например, в Италии за 11 лет в этих возрастных группах было потеряно 1,5 млн человек (*La Stampa*, 2 августа).

К этому основному фактору следует добавить недалёковидное управление пандемическим кризисом со стороны многих компаний: сокращение персонала, увольнение сотрудников поста-

вило их в сложное положение, когда им приходится нанимать новых работников и обучать их, поскольку многие уволенные за прошедшее время искали и нашли другую работу или, как в случае мигрантов, вернулись в свои страны. В авиационном секторе компания Lufthansa сократила четверть из своих 10 тыс. сотрудников и теперь не в состоянии справиться со значительным ростом спроса: отсюда многочисленные отмены рейсов. Но такая ситуация характерна для многих авиакомпаний, особенно бюджетных. В целом во время пандемии число работников в Европе сократилось с 2,7 до 2,4 млн человек.

Иммигранты для энергетической реструктуризации

Поэтому необходимо быстро привлечь новых иммигрантов и обеспечить их работой. В том числе с прицелом на будущее. Газета *Die Zeit* от 7 июля пишет, что реструктуризация энергетики требует гигантского объёма «материальных» работ: «Придётся устанавливать пилоны, закапывать сети, прокладывать рельсы и восстанавливать фундамент». Но в Германии «каждый год на рынке труда становится на 350.000 граждан меньше». Вот почему люди начинают говорить о новом иммиграционном законодательстве, с более простыми и упорядоченными практиками, чтобы позволить новоприбывшим приступить к работе, начиная с роли «рекрутеров», возложенной на посольства.

И это проблема, о которой в Италии вновь заговорила газета союза промышленников *Il Sole-24 Ore* (15 июля): 13 тыс. рабочих не хватает на строительстве линий широкополосной связи, которая будет использоваться для подключения по всей стране при поддержке фондов PNRR. И первыми пропали «экскаваторщики, разнорабочие, водители и бригадиры» для начала земляных работ. Где их искать? Предлагаются «двусторонние соглашения со странами, не входящими в ЕС, где можно искать недостающую рабочую силу [и] возможность пересмотра логики потоков для контрактов в секторе телекоммуникаций и металлообработки», финансирование приёма, обучения и трудоустройства. И всё это происходит в полном контрасте с демагогией предвыборной кампании.

Эпизоды борьбы за заработную плату

Ситуация на рынке труда, по крайней мере в некоторых секторах, также является причиной ряда эпизодов рабочей борьбы, которые имели место летом. Их объединяет требование повысить заработную плату, чтобы компенсировать растущую инфляцию. В воздушном транспорте в силу того, что было сказано ранее, работники также сопротивляются попыткам компаний компенсировать потери за счёт увеличения продолжительности рабочего дня и снижения заработной платы. В компании Lufthansa соглашение, подписанное в августе, предусматривает двузачное увеличение заработной платы для самых незащищённых категорий наземного персонала.

В Англии забастовки железнодорожников в конце июня, а затем и в других отраслях, заставили газеты в едином порыве вспомнить о «зиме недовольства» 1978–1979 годов, правда, с поправкой на другое время года. Железнодорож-

Кризис порядка углубляется и завинчивается. Конфликт в Украине тянется полгода, и это варварство унесло уже десятки тысяч жизней. Это гражданская война между западом и востоком Украины, война за раздел региона между ЕС и Россией, война по доверенности между Вашингтоном и Москвой, двумя ядерными державами, экономическая война, ведущаяся с помощью санкций и шантажа зерном и газом.

На фоне всего этого – Китай, реальная разрушительная сила, подорвавшая глобальный баланс. Пекин утверждает, что хочет лишь пересмотра старого порядка, поэтому соблюдает нейтралитет в украинском конфликте и сетует на Москву, которая, напротив, уверовала, что видит в атлантическом упадке и азиатском восхождении повод для вооружённого слома этого порядка. Вашингтон сталкивается с китайским вопросом на волне тревоги, возбуждения и стратегического замешательства. Часть администрации хотела бы договориться с Пекином об ослаблении трений, чтобы развести Китай и Россию. Но в Палате представителей и Сенате антикитайская позиция – это, пожалуй, единственный вопрос, по которому демократы и республиканцы достигли двухпартийного консенсуса. Конфликт между властями американской империалистической демократии становится нарушающим равновесие фактором по мере погружения в упадок; тем временем по инициативе президента или с его одобрения запускаются протекционистские меры и технологические планы на миллиарды долларов с целью именно противостоять Пекину. Результатом стала миссия на Тайвань спикера нижней палаты Конгресса Нэнси Пелоси, которая привела к взрыву напряжённости; Китай ответил беспрецедентной военной мобилизацией, имитируя морскую блокаду острова, который он считает частью своей территории.

Украина и Тайвань, вместе с Южно-Китайским морем, – это два фронта кризиса, которые станут символами десятилетия. Москва и Пекин считают их нервными узлами своих жизненных интересов. Вновь откроются и другие фронты – в Азии, Африке, на Среднем Востоке; надвигается буря борьбы за раздел рынков и сырья, за цепочки создания стоимости товаров и потоки капитала. Это будут новые двадцатые годы империалистического противостояния. Укоренение революционной, интернационалистской силы становится всё более неотложной задачей.

ные компании предложили повышение зарплаты на 3–4 % при инфляции, которая, по оценкам, в конце года составит 13 %; профсоюз RMT отклонил предложение, назвав его «атакой на условия труда», и объявил о новых забастовках в период летних отпусков. Во Франции железнодорожники также объявили забастовку: 3,1 %, которые им предлагали (включая все повышения, надбавки, премии и т. д.), были признаны CGT «не соответствующими».

В июне немецкие докеры блокировали порты на 24 часа, в то время как их 22 тыс. американских коллег на тихоокеанском побережье требовали повышения заработной платы на 10 %. Во Франции федерация профсоюзов транспорта и логистики начали кампанию за повышение заработной платы водителей автомобильного транспорта, в том числе из-за ожидаемой нехватки 40–50 тыс. работников при 800 тыс. рабочих мест.

Рабочие на газодобывающих платформах в Норвегии и сотрудники автомобильного и сталелитейного секторов в Испании также вышли на забастовку.

Сроки заключения договоров

Это эпизоды борьбы в отдельных секторах или отдельных компаниях, где условия благоприятны: они показывают неотложность и готовность к борьбе, которой не хватает лишь координации, причём обязательно на европейском уровне. Таким риторическим вопросом задаются рабочие советы сталелитейных заводов ArcelorMittal в Генуе, в испанском Авиле, во французских Дюнкерке и Фос-сюр-Мер и в немецком Бремене: «Не должны ли мы действовать на евро-

пейском уровне, чтобы защитить заработную плату рабочих?».

Теперь осень обещает расширенный раунд переговоров в Германии: он касается металлургов и государственных служащих – всего 7 млн работников. IG Metall, добившись прибавки 6,5 % для сталеваров, потребовала 8 % для 3,9 млн металлургов: она считает, что дважды подряд согласилась подписать «кризисные контракты» и теперь намерена компенсировать, пусть даже частично, рост цен в этом и следующем году. Со своей стороны профсоюз работников сферы услуг Ver.Di не считает, что государственные служащие захотят «остаться позади» (*Handelsblatt*, 2 августа).

Политические фибрилляции и классовая автономия

В Италии всё ещё есть действующие контракты, и те, кто продлевал их до скачка инфляции, теперь вынуждены довольствоваться прибавками, которых явно недостаточно. В связи с этим возникает необходимость более своевременной корректировки заработной платы, даже путём сокращения интервала между контрактами. Однако, судя по недавнему прошлому, наблюдается тенденция к увеличению срока действия контракта, вплоть до 4 лет.

В целом сегодня в Италии вопрос заработной платы находится в плену политических фибрилляций: он стал флагом очередной избирательной кампании. Никогда ещё не было столь острой необходимости бороться за классовую автономию и интернациональное единство.

Июль – август 2022 г.

Арриго Черветто

МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР

2006, 352 страницы,
супербложка,
21 карта по тексту, примечания,
биографический справочник,
библиография,
хронология 1990-1995,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-21-2

Цена 300 руб.

Ядерная кандидатура и европейский суверенитет

Мы публикуем серию статей наших французских товарищей из газеты L'Internationaliste.

После 24 февраля дебаты о текущей ситуации не обходятся без слов о наступлении «новой эры» или «новой эпохи», а также о возвращении «трагедии» и «войны в Европе». Это верно как для так называемой «качественной» прессы, так и для «популярных» телепередач.

Война врывается в электоральную кампанию и изменяет её содержание. Как и в других странах Европы, прососсийские совранисты оказываются под давлением и вынуждены отчасти пересмотреть свою линию всего за несколько недель до выборов. Зато Эмманюэль Макрон, официально ставший кандидатом, рядится в мундир главнокомандующего и, похоже, сумел замазать след от пощёчины, которую оставила ему Москва, пустившая под откос все его попытки посредничества и переговоров. Важно отметить, что французский президент открыто позиционирует себя как глава страны, продвигающей укрепление «европейского суверенитета», и не разыгрывает карту национальной ограниченности.

Ядерная кандидатура

Макрон широко использовал военную лексику во время коронакризиса, постоянно повторяя: «Мы на войне!» Такая манера подходит некоторым чертам французского национального фактора, а также военно-политическому характеру институционального устройства Пятой Республики, который ей придал Шарль де Голль в момент её основания.

Le Monde обращает внимание на аспект этой ситуации, связанный с ядерным сдерживанием. Газета вспоминает декларацию Франсуа Миттерана во время кризиса евrorакет в 1983 году: «Краеугольным камнем стратегии сдерживания во Франции является глава государства, то есть я; всё зависит от его решительности. Всё остальное движется по инерции, по крайней мере до решения, которое должно состоять в том, чтобы не позволить использовать ракеты».

По мнению *Le Monde*, «спустя сорок лет французы испытывают всё то же головокружение, всё тот же страх». А именно страх «войны, вернувшейся в Европу», — повторил Макрон, не упоминая об атомном оружии — в отличие от всех аналитиков, которые подчёркивают, что после Брексита Франция остаётся единственной ядерной державой в ЕС.

Получается, с одной стороны, президент использует образ главнокомандующего, но продолжает, с другой стороны, выставляя себя сторонником обороны, стремящимся к снижению градуса воинственности. Так, Елисейский дворец заставил министра экономики Брюно Ле Мэра покаяться за самовольное заявление об экономической войне между ЕС и Россией.

Сдерживать и защищать

Таким образом, по мнению *Le Monde*, с начала кризиса Макрон фактически

оказывается в доминирующей позиции по отношению к своим противникам по электоральной гонке. По словам Паскаля Перрино, политолога и профессора Sciences Po, «любая критика нынешней власти в таком контексте совершенно немыслима, может рассматриваться как акт нелояльности. Речь идёт отныне о роли Франции, а не Эмманюэля Макрона».

Президент хотел бы усиления так называемой «защиты» французского и европейского населения, настаивая на осуществлении плана «устойчивости» на континентальном уровне, который должен будет удвоить уже принятые на национальном уровне меры по смягчению последствий конфликта для экономики и покупательной способности.

Было бы преувеличением говорить о срабатывании за спиной президента «Священном союзе» всех сил в поддержку французской буржуазии, однако верно, что ситуация сокращает пространство для манёвра у возможных конкурентов Макрона.

Совранистское изменение?

В этой ситуации политические деятели, более склонные к сближению с Россией, должны защищаться. Марин Ле Пен, Эрик Земмур и Жан-Люк Меланшон вынуждены осудить российское наступление в Украине, сохраняя некоторую враждебность по отношению к США и продолжая поддерживать выход Франции из НАТО или, как минимум, из его интегрированного командования.

Нужно заметить, однако, что уже до начала текущих событий французские совранисты европеизировали свои позиции по сравнению с 2017 годом; они больше не говорят о преимуществах возможного выхода из монетарного союза и тем более из ЕС.

С этой точки зрения, показательна трансформация линии редакции такого еженедельного издания как *Marianne*. Наташа Полони, главный редактор журнала, образцовая республиканка-совранистка, в конце февраля пожалела о возвращении «войны в Европу... без европейцев», уравнивая Россию и США. Возможно, текущий кризис ускорит мутацию представленной совранистов об обороне в сторону её континентальной версии, тогда как сегодня она воспринимается в еврофобском и евроскептическом ключе, как оборона национального государства.

Кроме того, нужно заметить, что Жан-Пьер Шевенман, исторический «талисман» республиканского совранизма, столп русской партии во Франции, официально заявил, что будет голосовать за Макрона на предстоящих выборах.

Интервентистский экологизм

Кандидат в президенты от экологистов Янник Жадо заставил своё политическое течение совершить интервентистский поворот во время телепередачи «Франция перед лицом войны», большой телевизионной предвыборной говорильни. Кандидат настаивает на необходимости отправлять больше оружия в Украину, ис-

пользуя аргумент о защите демократии от диктатуры: «Как [французский] Народный фронт должен был поступить во время испанской гражданской войны? Он должен был вооружать республиканцев против фашистов». Он рекомендует ввести «эмбарго» на российские газ и нефть и утверждает, что конфликт может стать «возможностью для климата».

Переход от пацифистского европеизма к европеизму интервентистскому в решающий момент мирового противостояния не является чем-то новым для европейского экологического движения. Лидер немецких «Зелёных» Йошка Фишер в бытность министром иностранных дел поддержал военную интервенцию Германии в Югославии. Более того, сегодня «Зелёные», часть ныне правящей в Германии коалиции «Светофор», согласились с политическим поворотом Олафа Шольца, когда тот объявил о крупных инвестициях в Бундесвер, немецкие вооружённые силы.

Два пути

Крупнейшая парижская пресса в один голос поёт дифирамбы немецким инвестициям в оборону. Все охарактеризовали решение Берлина как поворот, разрушение ряда табу. Аплодисментами были встречены и решения других европейских стран увеличить военные бюджеты.

Тем не менее, ещё не начались дискуссии ни о европеизации этих важных изменений, ни об их дозировках в рамках евроатлантических отношений.

В этом отношении на страницах *Journal du Dimanche* президент Французского института международных отношений (IFRI), важнейшего французского мозгового центра в сфере международных отношений и евроатлантических отношений, Тьерри де Монбриаль указывает, какие чувствительные темы должны быть подняты. Что касается Франции, вес которой «постоянно сокращался с конца холодной войны, особенно на восточном и южном флангах Европы», она «должна признать, что для неё больше не будет никакой большой политики, особенно в Северной и Западной Африке или на Среднем Востоке, без тесного сотрудничества хотя бы с несколькими партнёрами по ЕС».

Что касается европейцев, «ЕС должен беспокоиться прежде всего о том, чтобы автономно размышлять о будущем безопасности континента. Тем более, что вероятно возвращение Трампа или трамписта в Белый дом».

В ближайшем будущем «страны Европейского союза не имеют иного выбора, кроме как сплотить ряды под знаменем Атлантического альянса и наложить экономические санкции, от тяжёлых последствий которых они сами страдают». Однако «в действительности слишком часто за последние десятилетия европейцы вынуждены были не моргнув глазом принимать последствия принятых Вашингтоном решений, противоположных их собственным интересам».

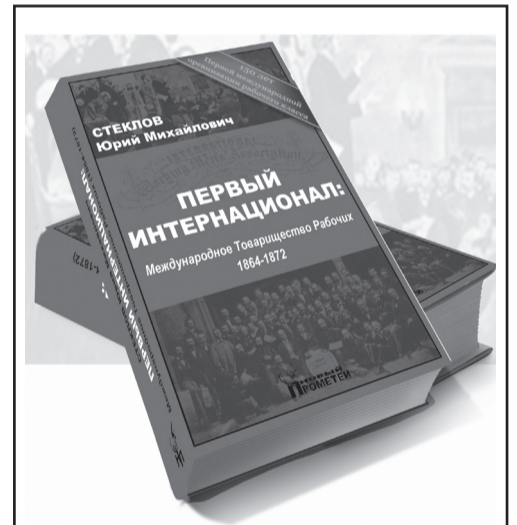
Европейцы выиграют, если будут «решать проблемы безопасности, вдохновляясь методом Жана Монне, как это было в случае Европейского объе-

динения угля и стали (ЕОУС)». Покуда сгущаются тучи, самые влиятельные европейские страны «должны будут отныне высказываться как можно яснее о совпадении европейских и американских интересов до того, как наступят вероятные кризисы».

Вероятно, Елисейский дворец разделяет схожее видение ситуации. В течение месяцев, предшествующих кризису, и после начала военных действий Макрон приложил немало усилий, чтобы скооперироваться со своими европейскими партнёрами и американским союзником. Более того, он прекратил критиковать НАТО, чтобы добиться согласия о трансатлантической солидарности. Тем не менее, маловероятно, что, в конечном итоге, Париж не ищет на пару с Берлином такой линии, которая определяла бы европейскую индивидуальность внутри Атлантического альянса.

Что касается нас, мы разоблачаем очередное крушение пацифистских идеологий и способность европейского империализма укрепиться, по крайней мере на идеологическом поле. Интернационализм — единственное решение.

Март 2022 г.

Стеклов Ю.М.

Первый интернационал: Международное товарищество рабочих. 1864-1872

512 стр., твёрдый переплёт, издание дополнено предисловием издателя, биографией автора, приложением из документов Первого Интернационала, работ К. Маркса и Ф. Энгельса, относящихся к данной тематике, а также статьёй Д.Б. Рязанова «Международное товарищество рабочих. I. Возникновение первого Интернационала» (из книги: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 1, М., 1924), хронологией, фотографиями, биографическим справочником, перечнем упомянутых в книге периодических изданий и примечаниями.

ISBN 978-5-9905528-1-4

Цена 450 руб.

Европейская преемственность “голлизма из центра”

Президентские выборы во Франции состоялись в разгар ускорения исторического времени. В то время как война в Украине навязывает новые соотношения сил в глобальном балансе сил, необходимость европейского империализма создавать и определять континентальные власти ждёт французского результата. Он будет получен в два этапа: президентские выборы в апреле и парламентские выборы в июне, на которых решится, получит ли президент парламентское большинство.

Если сначала война остудила общественное мнение и укрепила положение главнокомандующего Эмманюэля Макрона, то в конце кампании вопрос покупательной способности вышел на первый план, открыв пространство для оппозиции Марин Ле Пен и Жан-Люка Меланшона.

Повторение дуэли 2017 года

Таким образом, в 2022 году в избирательный бюллетень попали те же кандидаты, что и в 2017 году. Макрон победил, набрав 58,54 % голосов (38,52 % от зарегистрированных избирателей), против 41,46 % голосов, отданных за Ле Пен (27,28 % от зарегистрированных избирателей). По сравнению с 2017 годом кандидат от Национального объединения прибавила 7,5 пунктов и набрала на 2,7 млн голосов больше, в то время как действующий президент отступил на 2 млн голосов. Число зарегистрированных избирателей выросло чуть более чем на миллион и составило в общей сложности 48,75 млн человек.

Доля абсентизма достигла рекордного уровня для выборов такого уровня, составив 28,01 % зарегистрированных избирателей, по сравнению с 25,44 % в 2017 году. Если добавить незаполненные и недействительные бюллетени, то 34,2 % зарегистрированных избирателей не проголосовали в воскресенье 24 апреля, что соответствует уровню последних президентских выборов.

Облегчение для Европы

В целом, европейская пресса, от Португалии до Польши, с облегчением восприняла результаты выборов, подчёркивая сохранение европейской преемственности в Париже. Однако это настроение омрачается страхом перед лицом исторически высокого результата Марин Ле Пен.

Например, для *Frankfurter Allgemeine Zeitung* победа Макрона – «лучшая новость для Германии», «процветающее партнёрство было бы невозможно с Ле Пен в качестве президента». Однако консервативная газета подчёркивает, что Макрон сталкивается с «группой ультраправых экстремистов тревожных размеров и ещё большим числом недовольных».

По ту сторону Ла-Манша газета *Financial Times* считает, что результаты выборов означают «преемственность экономической и внешней политики и станут облегчением для инвесторов и союзников Франции в ЕС и НАТО в разгар российской войны в Украине». Но «ультраправые никогда не были так сильны во Франции со времён Второй мировой войны».

Вмешательство в поддержку Макрона

В 2017 году мы охарактеризовали выборы Макрона как «европейское кон-

трнаступление на основе оси между Парижем и Берлином» («Европейское контрнаступление Эмманюэля Макрона», июнь 2017 года). Действующий президент, как и в первый раз, провёл свою кампанию под знаком Европы, исполнив перед своей победной речью «Оду к радости», официальный гимн ЕС.

Между двумя турами этого года главы социал-демократических правительств Португалии, Испании и Германии Антониу Кошта, Педро Санчес и Олаф Шольц опубликовали в *Le Monde* обращение в поддержку Макрона в его дуэли с Ле Пен.

Le Monde считает, что эта «беспрецедентная» инициатива показывает, «до какой степени результаты выборов в шестиугольнике беспокоят европейцев». Можем ли мы также прочитать между строк предложение этих левоцентристских лидеров обсудить некоторые инициативы Макрона по вопросу европейской стратегической автономии и определения общих экономических и дипломатических инструментов? Добавьте к этому тот факт, что Макрон и Марио Драги неоднократно демонстрировали своё согласие по ряду европейских вопросов.

На краю пропасти

Крупнейшая европейская и французская пресса, являющаяся частью плюрализма буржуазных надстроек, поддержала избрание Макрона. Во Франции, как и в других странах Европы, на результат смотрят со смесью облегчения и страха за будущее. Даже если в данном случае подчёркивается беспрецедентность переизбрания президента вне фазы сосуществования президентской власти и другого большинства в парламенте.

Директор *Le Monde* Жером Фенолио в своей редакционной статье утверждает, что победа Макрона «ставит его прямо перед фактом собственной неудачи: он не сумел побороть экстремизм или оживить нашу демократическую жизнь». Он также отмечает, что предыдущие вторые президентские сроки Шарля де Голля, Франсуа Миттерана и Жака Ширака «приняли форму долгого разочарования», как будто «непрерывность осуществления власти в конечном итоге подавила всякое стремление занять пост». Результат 24 апреля «даёт ему полное право управлять страной, но не отдаляет его от пропасти».

В 2017 году мы писали, что «европейский кливаж стал бы фатальным, если бы и в будущем он постоянно заявлял о себе в антитетических терминах: каждые выборы стали бы игрой в русскую рулетку по вопросу европейских стратегических отношений. Чтобы быть функциональным, кливаж должен был бы выразить выбор между различными градациями европейского консенсуса, пусть и с различными совранистскими акцентами» («Европа перед вторым туром французских выборов», апрель 2017).

Макрон во время кампании между турами прямо поместил выборы в этот контекст, сравнив их чуть ли не с референдумом по Брекситу. В телепрограмме «Quotidien» он сказал: «Это референдум за или против Европы, пусть это будет ясно».

Драматизация служила скорее мобилизации избирателей, но нужно признать и то, что, несмотря на изменение своей позиции по евро и Фрекситу, Марин Ле Пен по-прежнему

му придерживается проблематичной программы с точки зрения европейского империализма. Её готовность закрепить принцип приоритета национальных интересов в Конституции, как и её утверждение о верховенстве национального законодательства над законодательством ЕС, противоречат европейской правовой системе.

Хотя пока это остаётся маловероятной гипотезой, победа эксцентричного по отношению к истеблишменту кандидата повлечёт за собой множество непредсказуемых последствий, учитывая огромные полномочия централизованного президентства. Избирательная система Пятой республики до сих пор не допускала кандидатов-евроскептиков к исполнительной власти. Поражение Ле Пен показывает, что для её политического лагеря барьер, который нужно взять, остаётся высоким, но её усиление от этого не менее примечательно.

Мутации партий

Результаты первого тура президентских выборов, состоявшегося 10 апреля, дают более широкую картину мутации рамок буржуазных партий.

Макрон вышел на первое место, набрав 27,85 % голосов (по сравнению с 2017 годом +3,84 пункта). Ле Пен заняла второе место с 23,15 % (+1,85 пункта), а Меланшон – третье с 21,95 % (+2,37 пункта).

Механизм «полезного голоса» сработал в полную силу, отбросив остальных кандидатов далеко вниз. Эрик Земмур, телевизионное творение французских крайне правых, массмедийный феномен начала кампании, едва набрал 7 %. Все остальные кандидаты остались ниже 5 % порога, необходимого для возмещения государством расходов на кампанию.

Главным сюрпризом стал крах «классических» правых. Кандидат от партии «Республиканцы» Валери Пекресс провалилась, набрав 4,78 %, по сравнению с 20,01 %, полученными Франсуа Фийоном в 2017 году. По данным опросов, Макрон потерял часть своих левых избирателей в 2017 году, перетянув на свою сторону умеренную часть электоральной базы «республиканцев». Земмур и Ле Пен должны были поделить между собой то, что осталось.

Можно увидеть несоответствие между национальными и местными выборами. Две последних президентских компаний и европейские выборы 2019 года ознаменовали собой водораздел между макронизмом и лепенизмом, а муниципальные выборы 2020 года и региональные 2021 года подтвердили укоренение местных левоцентристских и правоцентристских баронов так называемых традиционных партий, Социалистической партии и «республиканцев».

Политические комментаторы, которые после президентских выборов говорили о возникновении водораздела «прогрессисты/националисты», ратовали возвращению к дуэли «левые/правые» и уменьшению опасности крайне правых.

Успех Меланшона в крупных городах широко освещается в СМИ. Мы можем наблюдать, что если в одной части страны дуэль Макрон/Ле Пен, кажется, утверждает себя, то в наиболее активных мегаполисах соперничество левых и правых вновь появляется под видом оппозиции между Макроном и

Меланшона. Случай Парижа и Иль-де-Франс является показательным: действующий президент укореняется в традиционно правых районах, в то время как агитатор-евроскептик высасывает голоса в левых районах.

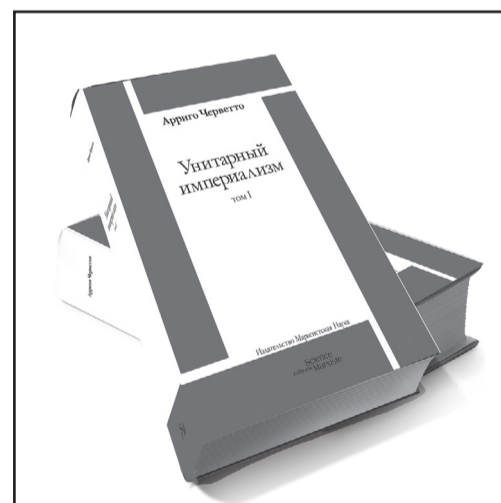
Меланшон, по мнению газет, находится в благоприятных условиях для того, чтобы перестроить левых вокруг своего политического полюса. Парламентские выборы станут первой проверкой. В целом, устойчивость левых и правых партий будет проверена в ходе этих голосований, которые традиционно дают большинство партии избранного президента.

Последний президентский срок

Либеральная газета *L'Opinion* поднимает политико-правовой вопрос: реформа институтов 2008 года устанавливает ограничение на два срока подряд для президента. Таким образом, по мнению газеты, «Макрону придётся считаться с пост-Макроном»: «Может ли обитатель Елисейского дворца, который не может баллотироваться, продолжать быть гиперпрезидентом, каким был Эммануэль Макрон последние пять лет?» Действительно, возможно, что борьба за преемственность президентского кресла нарушит часть мандата. Однако, если президентская партия получит большинство на следующих выборах в законодательные органы, «никогда со времён генерала де Голля президент Республики не мог осуществлять власть в течение десяти лет подряд» без периодов сосуществования с парламентом.

Поэтому перестройка политической структуры ещё не закончена. Если только в краткосрочной или среднесрочной перспективе французский политический ландшафт не приобретёт глубоко нестабильный характер.

Апрель 2022 г.

Арриго Черветто

**УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ.
ТОМ 1**

2005, 796 страниц, суперобложка,
18 карт по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель. ISBN:
2-912639-14-X

**УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ.
ТОМ 2**

2005, 736 страниц, суперобложка,
21 карта по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель. ISBN:
2-912639-18-2

Цена каждого тома

300 руб.

Переизбранный Макрон между европейским восстановлением и электоральным испытанием

Несмотря на то, что президентская гонка подошла к финалу, французский электоральный цикл продолжается: начинается кампания перед парламентскими выборами 12 и 19 июня. На волне результатов, полученных в ходе первого тура, Жан-Люк Меланшон и его движение «Непокорённая Франция» (НФ) сумели сформировать коалицию, объединяющую широкий спектр левых партий. Соглашение предполагает, что из 577 округов 70 будут отданы социалистам (ФСП), 100 – зелёным, а 50 – компартии (ФКП).

Программное соглашение

Коалиция имеет собственное программное содержание. Различные левые организации были вынуждены приблизиться к позициям «Непокорённой Франции», которая считает необходимым игнорировать европейские договоры, если их буква противоречит политике, которой хотели бы следовать меланшонисты.

По мнению *Le Monde*, Меланшон становится «хозяином игры» на левом фланге. Во всяком случае «это объединение на левом фланге представляет собой и видимость, и реальность одновременно». Видимость, что это союз, который намерен выиграть законодательные выборы, вынудив администрацию Макрона к «сожительству». «Реальность заключается в том, что это чисто электоральное соглашение, целью которого для каждого его участника является ограничение собственных потерь или же максимизация собственных выгод». Ставками в торге «стали также доступ к государственному финансированию (привязанный к числу предложенных и победивших кандидатов), как и возможность сформировать парламентскую группу в Национальном собрании (где минимальный порог составляет 15 кресел)».

Парижская газета считает, что эта коалиция станет в основном инструментом формирования крупнейшей оппозиционной силы в Национальном собрании, учитывая, что «расхождения внутри семьи левых» не позволяют «взять ответственность».

Встаёт вопрос и о том, сколько времени проживёт коалиция: соглашение затрагивает только грядущие выборы. Речь идёт о начале реорганизации левой, или же она рассыплется, как пройдёт голосование? Внутри ФСП усиливается группа диссидентов, возникшая вокруг фигуры президента региона Окситания Кароли Дельга. Многие руководители партии – члены старой гвардии, так называемые «слоны», выступили против союза.

Что случится на ближайших местных выборах? Слева ФСП имеет лучшие позиции в региональных, департаментальных и муниципальных администрациях. К настоящему времени, отвлекая на динамику «полезного голосования», крупнейшие мэры-социалисты поддержали соглашение, пусть и скрепя сердце.

Традиционный максимализм

Журналистка *Les Echos* Сесиль Корнуде считает, что это соглашение всё-таки является беспрецедентным в истории европейской левой. Она отмечает, что помимо «небольшого

исключения в виде греческой СИРИЗЫ», не существует прецедента, чтобы соглашение «было сформировано вокруг наиболее радикальной левой силы».

Тем не менее заметим: с формальной точки зрения, действительно верно, что коалиция сплотилась вокруг наиболее «радикального» движения; однако то, что называется «правительственной» французской левой, всегда содержало в себе сильные максималистские наклонности.

Так, когда Франсуа Миттеран возглавил ФСП на Конгрессе в Эпине в 1971 году, он придерживался линии якобы разрыва с капитализмом. Став президентом в 1981 году, он начал воплощать эту линию в жизнь посредством политики, основанной на национализациях, которую вынужден был пересмотреть в 1983 году в момент «либерального» и европеистского поворота.

На парламентских выборах 1997 года, которые позволили Лионелю Жоспену стать во главе правительства, социалисты превратили пересмотр условий вхождения в монетарный союз в одну из ключевых осей своей предвыборной кампании.

В ходе этих сражений и последующих выравниваний как раз и приобрела очертания «правительственная» левая. Ещё слишком рано утверждать, что НФ достигнет приемлемого уровня «еврорастворимости» или же что движение останется одним из столпов французского евроскептицизма.

Однако мы уже можем констатировать: хотя Меланшон и продвигает идею неподчинения Брюсселю, он уже изменил свои позиции в отношении Москвы. В интервью *Journal du Dimanche* на вопрос: «Будь Вы премьер-министром, Франция отправила бы ещё оружия на Украину?», – он ответил: «Этот момент мы бы обсудили с президентом! Я ни разу не нападал на Эмманюэля Макрона в этом отношении. Это крайне опасная ситуация, нужно действовать с осторожностью. Французы осуществили поставки, в том числе лучшие в мире пушки Caesar. Это немало. Я против того, чтобы словами повышать градус напряжения. Угрозы в сторону России совершенно недопустимы».

Испытания для Макрона

Французская печать в целом единогласна в оценке: победа движения Макрона на выборах возможна, левая динамична.

Le Monde утверждает, что макронисты опасаются «третьего социального тура», где выше шанс уступить левой, учитывая контекст экономического замедления, переплетающегося с всплеском инфляции и грядущим повышением процентных ставок. В течение предвыборной кампании Макрон пообещал уменьшить бюджетный дефицит с нынешних 6,5 % ВВП «до менее 3 % к 2027 году. И одновременно уменьшить доход с налогов на 15 миллиардов. Каким образом решить это уравнение, если замедление роста автоматически скажется на налоговых поступлениях?»

Со страниц *Le Monde* Соленн де Руайе говорит, что «никто не знает, на что будет похож второй срок Макрона». Журналистка опасается политического разлома, проявившегося во время президентских выборов, и утверждает: «Идея создания крупной

единой партии «от Саркози до Шевенмана», которой воодушевлены государственные верхи, ставит демократическую проблему: она ведёт к прямому столкновению с радикальными крыльями».

Европеизм

В этом отношении скрупулёзные исследования сущности макронизма стали классикой политических комментариев в СМИ. Мы можем здесь подчеркнуть, что, хотя с партийной точки зрения президентство Макрона колебалось между левоцентризмом и правоцентризмом, центром тяжести его политики оставалась приверженность укреплению европейского империализма.

В речи перед Европейским парламентом по случаю завершения Конференции о будущем Европы и в контексте войны на Украине Макрон запустил амбициозную европеистскую программу, которая сочетает возможность реформы европейских договоров и цель построения Европы концентрических кругов, где в центре окажется федеральное ядро, а вокруг – расширенная сфера влияния, в которую можно будет включить ту же Украину или Великобританию.

Европейское укрепление является одним из испытаний, вставших перед переизбранным президентом: он может воспользоваться президентскими полномочиями, которые предоставляет Конституция, однако должен считаться с относительной слабостью французской экономики в сравнении с немецкой и со вспышками протестов – вроде «жёлтых жилетов», с которыми Макрон столкнулся во время своего первого срока, – которые ослабляют французскую внешнюю политику.

Редактор *Le Point* Люк де Бароше рассматривает международные ставки новой администрации и указывает на встающих перед ней четыре ключевых вопроса. Во-первых, «каким образом Франция может остаться «державой баланса» [...] после провала сближения с Москвой? Война застала президента Республики врасплох». Макрон «питал подозрения европейских партнёров, что Франция играет сама по себе, чтобы продвигать собственные интересы. В конечном итоге нужно определить перспективы любых будущих отношений России и Европы». Во-вторых, «каким образом продолжать поддерживать многосторонность, когда ООН, парализованная русским вето, проявляет свою устарелость?» На самом деле Макрон пытался организовать саммит П5, то есть пяти постоянных членов Совета безопасности, чтобы обсудить ключевые вопросы, касающиеся международного порядка.

В-третьих, «каким образом построить автономную и суверенную Европу, когда партнёры ЕС следуют только за Вашингтоном?». Российское наступление «воскресило НАТО, у которой ранее Эмманюэль Макрон диагностировал «смерть мозга». «Однако в условиях, когда Европа оказывается более зависима от американской защиты, приверженность Соединённых Штатов зависит от перспективы возвращения изоляционизма в Вашингтон, если республиканцы вновь окажутся у руля. Это противоречие, которым Париж может воспользоваться».

И последний вопрос: «Как перезапустить франко-немецкий мотор

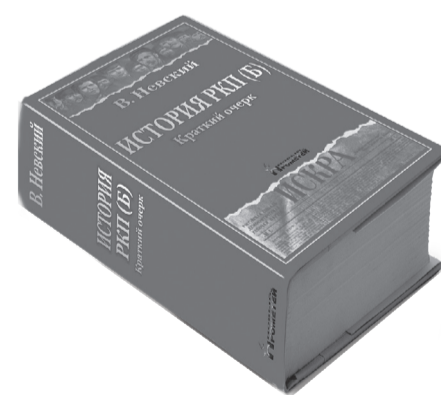
Европы?», особенно когда война вскрыла «разломы французской и немецкой стратегий в отношении России». Французский президент и немецкий канцлер «были замечены за тем, что не ездили в Киев после 24 февраля, притом что там побывало немало других европейских лидеров, чтобы выразить свою солидарность».

Битва за Европу, обладающую собственной оборонной политикой

В этом комментарии де Бароше поднимает откровенным образом, чего пока не делал больше никто, вопрос немецкого перевооружения с точки зрения двусторонних отношений силы внутри рейнской оси. «Две наиболее важные страны ЕС, которые претендуют на лидерство в нём, должны вновь расправить крылья. Германия решительно настроена инвестировать 100 миллиардов евро в Бундесвер. Замечательный факт. Что может положить Франция на чашу весов, чтобы удержать свой ранг? По большому счёту под угрозой находится её статус крупнейшей военной державы в ЕС. В таком случае отделение от Германии было бы завершено».

Добавим: с этой точки зрения, хотя французские СМИ и подчёркивают до бесконечности предполагаемую слабость Олафа Шольца в Германии, немецкий успех в сфере обороны станет испытанием для Франции с учётом накопленных французским империализмом задержек в процессе европейской реструктуризации. В этом свете возможная пенсионная реформа, которую анонсировал Макрон в ходе предвыборной кампании, более не будет сражением лишь вокруг государственного бюджета и также не будет иметь целью лишь привлечение правых избирателей, отныне это будет сражение за Европу, обладающую собственной военной политикой.

Май 2022 г.

В. И. НЕВСКИЙ

История РКП(б). Краткий очерк.

Издательство
АНО «ЦМИ «Новый Прометей»»,
2009 804 страницы,
твёрдый переплёт,
автобиография автора,
приложения, статьи В. И. Невского
«Ленин как материалист в своих
ранних работах», «Философия
мёртвой реакции», карты, схемы
и иллюстрации, примечания,
хронология, библиография,
биографический справочник,
справочник периодических изданий

ISBN: 978-5-9901606-1-3

Цена 450 руб.

Коалиционное президентство и риск неуправляемости

В 2017 году, после победы на президентских выборах Эмманюэля Макрона с «явно европейской линией», мы писали, что речь шла о европейском контрнаступлении, опирающемся на «централизацию» и «полномочия, которые Пятая республика предоставляет президенту». Пост главы государства на тот момент сливался «со своего рода большой коалицией в Национальном собрании, объединившейся вокруг центра с целью реализации ускоренной программы реформ» («Европейское контрнаступление Эмманюэля Макрона»).

Переизбрание Макрона на этот раз находится в орбите нового контрнаступления – контрнаступления рейнской оси перед лицом инициатив «новой Европы» в контексте войны на Украине. Через несколько дней после своей победы французский президент заявил о стремлении к укреплению европейских властей и созданию «европейского политического сообщества» для интеграции соседних с ЕС стран.

Новый стратегический цикл

В промежутке между президентскими и парламентскими выборами Елисейский дворец произвёл перестановки в правительстве. Вместо выходца из правой Жана Кастекса премьер-министром была назначена Элизабет Борн, взгляды которой были представлены как смесь технократизма и левого тэтчеризма.

Основные изменения касаются министерств иностранных дел и обороны. На набережной Орсе (где расположено министерство иностранных дел) место Жан-Ив Ле Дриана заняла карьерный дипломат Катрин Колонна, а в министерство обороны был назначен Себастьян Лекорню, заменивший Флоранс Парли. Оба принадлежат к правым, хотя новый министр иностранных дел, бывшая ширакистка ближнего круга, также входила в кабинет социалиста Ролана Дюма при президенте Франсуа Миттеране. *Le Monde* отмечает, что этими назначениями Макрон «переворачивает сразу две страницы: страницу министров, которые занимали свои посты с момента его прихода в 2017 году, а также страницу окончания стратегического цикла, о котором давно теоретизировали эксперты, и который конфликт на Украине увлек за собой под землю».

Согласно парижской газете, «досье, наиболее затронутое войной на сегодняшний день, – это досье европейской обороны, как её представлял себе глава государства до текущего кризиса» в связи с «новым импульсом Атлантического альянса».

Аналогичным образом, «что касается африканских досье, в частности, досье по Сахелю, которыми занимаются многие должностные лица набережной Орсе и вооружённых сил, то они рассматриваются как отошедшие на второй план».

Конец гиперпрезидентства?

Однако возникает неопределённость в отношении внутренних и международных манёвров второго срока Макрона, даже если внешняя политика в значительной степени является прерогативой Елисейского дворца. В отличие от того, что произошло в 2017 году, на парламентских выборах 12 и 19 июня лагерь Макрона потерпел поражение и не получил большинства в нижней палате.

Такая ситуация не повторялась с 2000 года, когда президентский срок был сокращён с семи до пяти лет. Имен-

но в результате этой конституционной реформы родилась концепция «гиперпрезидентства», опирающегося на лояльный парламент. До сих пор парламентские выборы, которые теперь проходят сразу после президентских, всегда давали значительное большинство главе государства.

Тем не менее мы должны подчеркнуть относительность выражения «гиперпрезидентство», потому что, с одной стороны, исключительно с точки зрения внутренней политики президентские полномочия были усилены по отношению к парламенту, но с другой – конституционная реформа была проведена одновременно с введением в действие единой валюты. Переход на пятилетний срок, который был призван ликвидировать «сосуществование» президента и правительства разных политических окрасов, обеспечил парламентское большинство для исполнительной власти, но это было сделано в контексте ускорения уступки суверенитета на континентальном уровне.

Новая нижняя палата

В Национальном собрании 577 депутатов, поэтому для получения абсолютного большинства необходимо иметь не менее 289 мест. На июньских выборах президентская коалиция «Вместе!» получила всего 245 мандатов, из которых 161 принадлежит партии Макрона «Вперёд, Республика!» (LRM), 41 – центристам из Демократического движения (MoDem) и 29 – партии «Горизонты», созданной Эдуаром Филиппом, бывшим премьер-министром Макрона. При этом в 2017 году LRM единолично получила абсолютное большинство – 308 мест.

На левом фланге – коалиция «Новый народный экологический и социальный союз» (Nupes), получившая 131 место. В этом лагере доминирующей партией является «Непокорённая Франция» (НФ) Жан-Люка Меланшона с 73 депутатами.

«Национальное объединение» (НО) Марин Ле Пен совершило неожиданный рывок вперёд, получив 89 депутатов по сравнению с 8 в предыдущем созыве. Традиционные правые, партия «Республиканцы» (LR), получив 64 места по сравнению со 112 после предыдущих выборов, уступила позиции крайне правым.

Уровень абсентеизма во втором туре составил 53,77%, что немногим меньше рекордных 57,36% 2017 года.

Фрагментация

Таким образом, отражая тенденцию к фрагментации, наблюдаемую в новом европейском политическом цикле, Национальное собрание Франции представляется серьёзно расколотым, отягощённым противоречиями между националистами и европейцами, а также левыми и правыми.

Войска Макрона понесли самые значительные потери. Ещё несколько недель назад их кошмаром было бы зависеть для получения абсолютного большинства от своих союзников MoDem и партии «Горизонты», открыто участвующих в гонке за пост преемника Макрона. В конечном же итоге даже коалиция в целом получила лишь очень относительно большинство голосов. Французская пресса опасается ситуации неуправляемости, политического кризиса в решающий момент дебатов об углублении европейских полномочий.

Все взгляды устремлены на LR. Попробует ли Макрон заключить сделку с правыми? Захотят ли этого они сами? Или президент будет пытаться искать переменное большинство для каждого конкретного случая по мере проведения реформ, надеясь также привлечь более умеренные элементы правых и левых, отделив их от своих коалиций?

Будет ли ситуация двигаться к блокаде парламента или к формату коалиционного президентства с усилением роли парламента?

Успех Национального объединения

Что касается крайне правых, то, улучшив результат на президентских выборах, НО теперь к тому же обладает самой большой парламентской группой. Это беспрецедентное событие. Исторически сложилось так, что двухтуровая мажоритарная система голосования преграждала путь большинству ультраправых депутатов.

Многие комментаторы после объявления результатов выражали обеспокоенность открытием бреши в «республиканском фронте», указывая на отсутствие мобилизации против крайне правых со стороны избирателей партий, проигравших в первом туре. Во втором туре в различных избирательных округах они практически не голосовали против партии Ле Пен. Существуют даже опасения определённой электоральной трансформации, благоприятствующей НО.

Таким образом, хотя массивное наращивание государственных расходов изгнало призрак мелкобуржуазной *жакерии* на улицах, оно лишь сдержало подъём электоральных восстаний, не сумев его обуздать.

Президентские полномочия

Что касается отношений между властями, то если у Макрона есть оружие в виде права распустить Национальное собрание, то оппозиция технически обладает возможностью сместить правительство, хотя и не президента, путём голосования по вето недоверия.

Это «относительное сожительство», по выражению политолога Паскаля Перрино в газете *Parisien*, таит в себе несколько неизвестных. Оно представляет собой проверку исключительных полномочий, предоставленных президенту в Пятой республике. Цель такого распределения полномочий заключалась в том, чтобы устранить хроническую нестабильность «партийного режима», столь нелюбимую генералом де Голлем. Архитекторы нового институционального режима считали французские политические организации слишком слабыми и колеблющимися, чтобы удовлетворительно представлять национальные интересы, то есть обеспечивать синтез и централизацию плюрализма интересов крупных империалистических групп.

Текущая ситуация ставит перед парламентскими партиями буржуазии новую задачу: попытаться уловить главный стратегический интерес правящего класса, заключающийся в укреплении европейского империализма, вместо того чтобы впасть в типично французский политический тактицизм. Последнее уже маячит на горизонте в перспективе постмакронской эры, старт которой намечен на 2027 год, когда истекает срок его президентских полномочий.

Позволит ли эта необходимость приблизить часть оппозиции к линии

президента расширить политический консенсус по европейскому вопросу? Приведёт ли это к увеличению опухоли совранистских организаций?

Финансирование партий

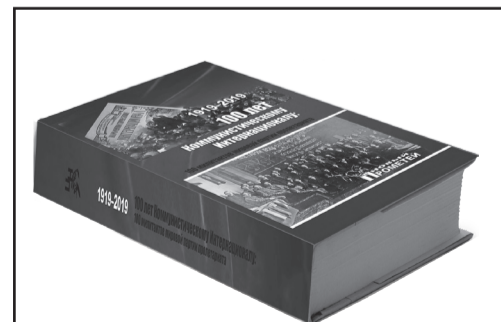
Французские политические партии, являются ли они совранистскими или нет, в значительной степени «институционализированы» в том смысле, что их существование зависит от материальных средств, предоставляемых государством. В сфере бюджетных субсидий выборы в законодательные органы играют решающую роль. *Le Figaro* пишет, что «для политических партий эти выборы – настоящая курица, несущая золотые яйца», и они определят их государственное финансирование на следующие 5 лет.

Система основана на двух механизмах. Первый – это выделение 1,64 евро за голос, выплачиваемых ежегодно в течение пяти лет любой партии, набравшей не менее 1% голосов в первом туре в 50 избирательных округах. Второй – выплата в размере 37.400 евро на каждого члена парламента, избранного на пять лет, партии, которую он представляет. Консервативная газета отмечает, что в течение последнего парламентского срока LRM получала около 20 млн евро в год. В прошлой статье мы отмечали, что перспектива получения этого приза во многом лежала в основе соглашения о коалиции левых.

Что касается крайне правых, то НО, имеющее долги в размере 24 млн евро, включая кредит в российском банке, может несколько скрасить своё ближайшее будущее. Результат выборов даст партии материальные средства для новых шагов вперёд. Что касается партии «Отвоевание» полемиста Эрика Земмура, то, хотя она и потерпела поражение в первом туре, не сумев провести ни одного кандидата во второй, эта политическая сила всё же будет иметь доступ к государственному финансированию исходя из электоральных результатов.

Все «традиционные» или псевдоматерные совранистские партии пьют из одного источника. Все они в своём развитии зависят от государственного патернализма и нуждаются в вознаграждении избирательного цирка. Однако сейчас парламентский кретинизм обрёл возмездием в Европу войны и открытием новой эры всемирного противостояния.

Июнь 2022 г.

**1919–2019. 100 лет
Коммунистическому
интернационалу: 100 милитантов
мировой партии пролетариата**

608 страниц, твёрдый переплёт,
именной указатель,
иллюстрации по тексту.
978-5-6042357-0-6

Цена 450 руб.